

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

МОЛОТ
ПОГРАНИЧЬЯ

Молот Пограничья

Валерий Пылаев

Молот Пограничья. Книга IV

«Автор»

2026

Пылаев В.

Молот Пограничья. Книга IV / В. Пылаев — «Автор»,
2026 — (Молот Пограничья)

Загадочный враг из глубин леса... нет, не повержен – но уже не станет мне мешать. Темный аспект больше не представляет опасности. Мои владения теперь простираются и за рекой, и сам государь из далекой Москвы пристально следит за успехами молодого князя Кострова. В оружейном сарае понемногу оживает древняя машина, способная подарить мне если не власть над Пограничем, то по меньшей мере силу – и с этой силой придется считаться. Всем – начиная с соседей, которые явно не собираются забывать о своих планах – хоть я уже и мешал им не раз. Война неизбежна, но скоро всех, кто живет к югу от Невы, ждет кое-что похуже вражды между собой. Ведь им только предстоит узнать то, что я знаю уже давно. Тайга просыпается – и она проголодалась.

© Пылаев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Валерий Пылаев

Молот Пограничья. Книг IV

Глава 1

– Нет, ваше сиятельство. Это невозможно. Просто невозможно! И в первую очередь потому, что...

Воскресенский еще не успел даже дослушать меня до конца – но уже был готов вынести вердикт и разносить все в пух и прах. Ему, профессору Московской академии наук, сама идея построить на том берегу Невы что-то серьезнее пары копеечных избушек с частоколом вокруг явно показалась граничащей с безумием. А значит, по определению не стоящей ни внимания, ни обсуждения.

За шестьдесят с небольшим лет он наверняка слышал и о более... скажем так, амбициозных проектах, однако все равно смотрел на меня как на нерадивого студента. Из тех, что даже к выпускному курсу не потрудились набраться ни знаний в области магических наук, ни хоть какого-то понимания истинной природы вещей. А посему достойных самой страшной кары.

Чего-то вроде «неуда» в экзаменационной ведомости.

Остатки седых волос на голове растрепались, глаза за стеклами очков метали молнии, а козлиная бородка встопорщилась, задираясь кверху, и теперь целилась мне в грудь, будто копье. На мгновение показалось, что старикашка в праведном гневе готов начать крутить пуговицы на моем пиджаке... То есть был бы готов – потрудись я надеть на нашу встречу пиджак.

Может, это его тоже зацепило. Разумеется, я встречал Воскресенского в кабинете, как положено, и велел подать чаю, однако переодеваться из камуфляжных штанов и косоворотки в нечто цивильное все-таки не стал. Вдруг в Москве подобное считалось невиданным оскорблением, в ответ на которое полагалось если не требовать немедленной сатисфакции, то по меньшей мере громко возмущаться. Ничего подобного старик делать не стал, но, судя, по взъерошенному и воинственному виду, от немедленной расправы его удерживали только хорошие манеры.

И кругленькая сумма, которую мы с дядей заплатили за одно только появление в Гром-камне светила столичной науки.

И светила крупного: если не первой величины, то уж точно второй. Пока его сиятельство распинался, засыпая меня труднопроизносимыми терминами, я украдкой прощупал его магический профиль. И даже сумел найти там немного интересного.

Точнее, необычного – по местным меркам, конечно же.

Боевой потенциал у столичного профессора оказался просто никакущий. Не просто слабый, а даже ниже. Мои способности Одаренного даже близко не дотягивали по точности до диагностических приборов, однако и диагностировать здесь было попросту нечего. Крохотный резерв и базовые аспекты на уровне четвертого ранга, если не пятого. На фоне общего убожестве слегка выделялся Ветер... И еще что-то. Тоже не выдающееся, зато яркое, плотное – почти осязаемое.

Я тут же вспомнил, как мне в первый раз попала в руки визитная карточка Воскресенского. На прямоугольнике из плотной бумаги – черной для пущей солидности – под тисненым золотым гербом Московской академии разместилась фамилия, потом имя и отчество – Дмитрий Иванович – и дальше совсем скромные «профессор», «доктор магических наук», а уже в самом низу – «Магистр».

Значит, старикан каким-то образом сумел взять высший аспект, проскочив через несколько номерных рангов и даже Мастера. На первый взгляд такое казалось бессмысленным

и почти невозможным. Здесь, на Пограничье, где князья и их отпрыски столетиями копили резерв и набивали заветные пункты стихий, сражаясь с порождениями Тайги и себе подобными, никто и подумал бы рваться к вершинам магического ремесла, толком не освоив низы.

Местным было не до выкрутасов: еще полвека назад насущные проблемы, вроде дюжины упырей или невеста откуда взявшейся на самой границе вотчины крупной твари с аспектом, требовали решения. Незамедлительного, эффективного и, желательно, не слишком затратного. И ход шли не изящные колдовские выкрутасы, а обычная боевая магия. Мощная, простая и надежная, как однозарядный штуцер с тульского императорского завода.

Мои предки учились пользоваться Даром у отцов или офицеров из гарнизона или кадетского корпуса в Новгороде, так что до высших аспектов дорастали нечасто. Даже седовласые старики вроде Горчакова или Друцкого редко брали Мастера, а куда чаще оставались на первом ранге или где-то между вторым и третьим, полноценно развивая только врожденный талант – и еще парочку так, по мелочи. И то исключительно на случай встречи с тварью с иммунитетом к одной из стихий.

Зато сражаться умели отлично – порой даже без всякой магии. И каждая убитая зверюга из Тайги, вне зависимости от аспекта, давала какой-никакой прирост и к резерву, и к общему потенциалу, и, что куда важнее, к опыту. Именно он и позволял матерому Одаренному, пусть и весьма скромного по формальным признакам ранга, успешно противостоять хоть целому взводу солдат со штуцерами и картечницами.

При определенных обстоятельствах.

Практика, практика и еще раз практика – универсальный рецепт могущества князей Пограничья. Здесь очень немногие стремились к высшим аспектам, которые хоть и позволяли добавить в арсенал поистине устрашающие фокусы вроде Железной Кожы или Инферно, способного поджечь сам воздух в легких противника, но не добавляли ни маны в резерв, ни того умения, которое способно превратить в смертоносное оружие даже крохотную искорку Огня.

«Горизонтальное развитие» – так обозначал подобный подход к освоению родового Дара справочник из отцовской библиотеки. Серьезный запас магической энергии, параллельное и порой не слишком упорядоченное стихийное развитие нескольких аспектов одновременно с упором на врожденный.

В отличие от вертикального, которое подразумевало быстрое освоение низов и почти сразу после него – прицельный рывок к одному из двух высших аспектов. Я и не думал, что такое вообще реально провернуть, не отравив хотя бы одну стихию до минимальных для первого ранга семидесяти пунктов. Пожалуй, еще лет сто назад никто и не смог бы представить себе Магистра, чей запас маны в принципе не вытягивал положенные по статусу боевые заклинания.

Но Воскресенский каким-то образом справился. Видимо, поэтому и считался одним из самых маститых ученых во всей империи. Чистым, рафинированным теоретиком, бесконечно далеким от кромсания врагов незамысловатыми, но эффективными Кольцами Льда, Огненными Шарами и прочим инструментарием князей Пограничья.

В Тайге старик наверняка не продержался бы и суток – но этого от него я и не ожидал.

– ...уровень нагрузки, в принципе не сопоставимый с возможностями конструкции, – продолжал надрываться он, разнося в пух и прах то, о чем еще не успел даже толком услышать. – Это, Игорь Данилович, вам объяснит даже студент с тройкой по сопромату.

– Благодарю, Дмитрий Иванович, но мнение студентов меня интересует мало. – Я все-таки сумел выловить крохотную паузу в разгромной речи и заговорил. – Знаю, вопрос необычный. И я склонен полагать, что он требует не только знаний, но и умения мыслить нестандартно, которое присуще лишь выдающимся ученым. Невозможно – тот ответ, который сумел бы дать и средней руки инженер-строитель из Новгорода. Но от человека вашего ума хотелось бы услышать... нечто иное. – Я постарался вложить в голос столько мягкого очарования,

сколько у меня отродясь не было – ни в этой жизни, ни уж тем более в прошлой. – Если не решение проблемы, то хотя бы что-то на него похожее.

Лесть прозвучала грубовато и без намека на изысканность, но все же сработала. Во всяком случае его сиятельство профессор перестал смотреть на меня как на еретика или врага Отечества. Снисхождение из взгляда и голоса, конечно же, никуда не делось, однако теперь вместо возмущения с ними соседствовала чуть ли не жалость. Будто Воскресенский уже не карал бездаря и лентяя, а просто без всякой злобы или претензии объяснял бестолковому, но приятному студенту-первокурснику, почему ему не стоит продолжать обучение в институте.

– Дело не в умении мыслить, друг мой. – Воскресенский с улыбкой испустил протяжный вздох. – И уж тем более не в знаниях. А в том, что реализовать ваш замысел – смелый, вне всяких сомнений! – не смогли бы даже лучшие умы империи. Конструкция... плотина, о который вы говорите, будет подвергаться таким нагрузкам, что больше пары лет не выдержат и самые передовые материалы. И уж тем более обычный бетон. Не говоря уже о том, что я вообще не уверен, что вы сможете завершить стройку в желаемые сроки.

– Это уже моя задача, Дмитрий Иванович. – Я пожал плечами. – От вас же я жду чары, способные выдержать естественный магический фон Тайги хотя бы десять лет, а лучш...

– Хотя бы?! – Голос профессора снова набрал полную возмущения силу. – Хотя бы, Игорь Данилович? Ну как же вы не понимаете, что есть цифры. А спорить с ними по определению бесполезно! Будь у вас желание построить все это здесь, на Мге, Тосне или даже на Неве с ее объемами воды, я бы первым сказал, что никакие чары здесь не потребуются – достаточно просто взять правильный материал и разработать конструкцию с запасом по прочности. Но там, – Воскресенский шагнул к карте и ткнул пальцем в место, где я уже успел изобразить карандашом что-то одновременно похожее на сарай и пилу с парой шестеренок по бокам. – Там все иначе! Показатели естественного фона увеличиваются не линейно, а по экспоненте. А значит, с каждой сотней метров на север вот от этой самой линии, – палец скользнул чуть ниже и уперся в пунктир границы, – нагрузка на бетон будет возрастать в несколько раз!

– Понимаю, – кивнул я. – И все же речь не идет о десятках километрах. Точную цифру я вам вряд ли назову, однако вряд ли здесь наберется больше трех или четырех. И всего полтора, если считать от Невы. Полагаю, вы сумели бы навести чары, способные обеспечить устойчивость материала даже в таких условиях – если не принимать в учет расход маны.

– Если не принимать? – Воскресенский фыркнул и снова смерил меня взглядом, в котором недоумения и разочарования было примерно поровну. – Если так – конечно же! Задача для первокурсника, Игорь Данилович. Но дело в том, что именно потребление энергии и ставит крест на всей вашей затее!

– Допустим. – Я заложил руки за спину. – Но саму по себе структуру вы создать можете, не так ли?

– Не очень понимаю, почему это вас так интересует, – раздраженно проворчал Воскресенский. – Но из уважения, так и быть, отвечу: да, такое возможно. Теоретически.

– Отлично. Именно это мне и хотелось услышать. Я успел изучить вопрос, хоть и весьма поверхностно, и склонен думать, что сами по себе чары, способные повысить устойчивость материала к воздействию окружению, не так уж и сложны. Одинарный контур, в крайнем случае – двойной. Задача для первокурсника, как вы сами изволили сказать. – Я все-таки позволил себе небольшую колкость. – Что в таком случае мешает специалисту вашего уровня добавить еще один слой? Структуру, которая будет стягивать ману из окружающего пространства? Насколько мне известно, подобные решения уже давно используются и в строительстве, и в охранных чарах. Да и вообще везде, где нет возможности использовать магию с внешней подпиткой.

– Верно. Вижу, вы и правда не поленились потратить время на книги, друг мой.

Воскресенский поправил очки и пригладил остатки волос на голове, стремительно превращаясь из разъяренного поборника здравого смысла в самого обычного старичка-ученого. Одно умозаключение и пара-тройка терминов вряд ли заставили его проникнуться уважением к моим знаниям, однако теперь он хотя бы начал воспринимать беседу всерьез.

Ну, или делал вид – чтобы не обижать сверх меры наивного провинциального князя.

– Но и здесь, Игорь Данилович, дьявол скрывается в деталях... Впрочем, как и всегда, – продолжил Воскресенский. Уже ровным и монотонным голосом – таким он наверняка читал лекции в Московском университете. – Сами по себе чары с тройной структурой и отдельным питающим контуром не представляют запредельной сложности, и естественного фона вполне хватило бы для их работы. В обычных условиях – но никак не в Тайге. Закон сохранения энергии не в силах нарушить даже магия! – Старик назидательно поднял палец вверх. – И этой самой энергии нам и не хватит, друг мой. Структура, способная выдержать фон Тайги, потребует в несколько раз больше маны. Иными словами, чары просто не будут успевать заряжаться – и ваша плотина вряд ли простоит хотя бы год.

– Верно. В обычных условиях, – парировал я. – Но вы сами говорили о естественном фоне Тайги. Вполне разумно предположить, что если он агрессивнее за счет более мощных потоков энергии, то и зарядка питающего контура будет происходить намного быстрее. С резервом Одаренных это точно работает.

На этот раз Воскресенский ответил не сразу. Скука, уже проступившая на его лице, сменилась недоумением. Потом профессор сдвинул брови, поморщился, принялся терев пальцами бородку – и вдруг заулыбался.

– Хм... а ведь действительно! – изрек он наконец. – Отличная мысль, Игорь Данилович! Использовать избыток энергии Тайги, обратив его себе на пользу. С точки зрения фундаментальной науки в этом решении, пожалуй, даже нет ничего выдающегося, но на практике... Bravo, коллега! Снимаю шляпу – вы действительно владеете вопросом. И куда лучше, чем я мог предположить... Как вы вообще додумались до такого?

Судя потому, что я из «друга» превратился в «коллегу», идея оказалась и правда ничего.

– Как додумался? – улыбнулся я, разворачиваясь. – Скажем, у меня нашлись отличные консультанты.

Катя на мгновение подняла голову, улыбнулась уголками рта – и тут же снова уткнулась в какой-то цветастый журнал. Воскресенский проследил за моим взглядом и слегка приподнял седые брови. Разумеется, светицу столичной науки даже не пришла в голову мысль, что предложить простое и вместе с тем изящное решение проблемы питающего контура могла девчонка тринадцати с половиной лет от роду.

– Как бы то ни было, идея неплохая... Да чего уж там – блестящая, Игорь Данилович, блестящая! – Воскресенский радостно заулыбался, но тут же снова напустил на себя серьезный вид. – Однако с ее реализацией все вряд ли будет так уж легко... Вы ведь позволите мне взять паузу на несколько дней? Нужно кое-что посчитать. Понадобятся справочники: у меня уже не та голова, чтобы знать все цифры на память.

– Разумеется, Дмитрий Иванович, – ответил я. – Если пожелаете – в моем доме найдется свободная комната, а семья будет только рада такому гостю.

– Благодарю, друг мой, но в этом нет нужды. В одиночестве мне думается лучше. – Воскресенский улыбнулся и неторопливо зашагал к двери. – К тому же вы сами оплатили апартаменты в Новгороде на неделю вперед...

Судя по выражению лица, старик мыслями уже был далеко. Там, где можно зарыться с головой в статьи и наконец заняться любимым делом.

– Ну все. Подцепил ты его, – вполголоса произнесла Катя, выходя из кабинета за нами следом. – Теперь неделю спать не ляжет, пока все не посчитает.

– Думаешь, справится? – так же тихо поинтересовался я. – Дело-то непростое.

– Воскресенский? – фыркнула Катя. – Справится. Ты не смотри, что ему уже лет, как Горчакову. Голова такая, что к нему со всего мира учиться едут.

– Не сомневаюсь. – Я легонько толкнул сестру плечом. – Это ведь ты посоветовала.

– Ага. Теперь сама жалею. Бетон, чары эти, стройка... – Катя протяжно вздохнула. – Лесопилка твоя золотая получится. На такие деньги все Отрадное купить можно.

– Ну, все не все, а половину уж точно. Но ничего, разберемся! – Я махнул рукой. – Есть у меня одна мысль, как это все можно повернуть.

– А ну-ка?!

– Обязательно все тебе расскажу... Только, наверное, вечером. Сейчас Дмитрия Ивановича проводить надо. – Я чуть ускорил шаг, чтобы не отстать от профессора, который мчался к лестнице со скоростью курьерского поезда. – И потом еще одно дело есть.

– Это которое в подземелье? – кисло поинтересовалась Катя. – Опять к крысе своей пойдешь?

– К ней, родимой, – кивнул я. – Куда ж тут денешься?..

Глава 2

Шагнув на лестницу, ведущую в подземелье, я на всякий случай прикрыл за собой дверь. Не потому, что боялся побега, а чтобы в доме было потише. Пленный... то есть, плененная мною в Тайге госпожа-стрелок за последние дни присмирела, но все еще могла выдать пару слов, которые ни девочкам, ни женщинам, ни даже бабушкам благородного происхождения слушать не полагалось. Я уже почти не надеялся вытрясти из лесной снайперши что-то полезное, однако все равно каждый день спускался сюда.

Кому-то, в конце концов, нужно было ее кормить, а гридню и уж тем более прислуге негодяйка вполне могла свернуть шею. Или просто врезать магией – от такого не защитила бы даже кованая решетка с толстенными стальными прутьями, которой я заменил одну из хлипких дверей в подземелье.

Раньше в крохотном помещении за залом, где стоял алтарь, располагалась то ли сокровищница, то ли винный погреб, но столетия небогатой жизни опустошили все запасы, что здесь были, оставив только пару-тройку ветхих сундуков и сломанных ящиков. Мы с Жихарем и Соколом вытащили их, принесли из гридницы кровать и оборудовали что-то вроде тюремной камеры.

Так себе каземат – но все же куда надежнее любого другого. Здесь древние камни, решетка, которую я выковал собственноручно из найденных в гараже деталей грузовика, и чары алтаря надежно защищали мою семью от темперамента пленной барышни. А в любом другом месте она наверняка бы уже давно удрала, высадив дверь или проделав дыру прямо в стене. Девчонка еще ни разу не демонстрировала особых талантов в области боевой магии, но они вполне могли и быть – так что рисковать не хотелось.

Когда я шагнул в зал, где впереди на алтаре переливался жив-камень, до моих ушей донеслись звуки. Станные... вернее, просто необычные – я уж точно не ожидал услышать здесь пение. Раньше пленница или сидела молча, или приветствовала меня отборной руганью, от которой краснел даже Сокол. Однако сегодня, видимо, решила развлечь себя иначе и негромко выводила какую-то незамысловатую мелодию. Теперь, когда она не ругалась, голос даже показался приятным. Низким, чуть хрипловатым, но мягким и почти нежным.

Правда, слова с ним с ним не вязались совершенно. До того, как пение стихло, я успел разобрать что-то про Тайгу, свободу, верное ружье и кишки князя, висящие на сосне.

– Продолжай, – усмехнулся я, приближаясь к решетке с плоской остывшей каши. – Может, хоть так что-то расскажешь.

На мгновение показалось, что темница опустела. И только потом сквозь полумрак проступила сначала едва заметная тень, а потом и силуэт сидящей на койке женщины с горящими глазами. На полноценную невидимость пленнице сил не хватило – рангом не вышла, но маскировка получилась отменная. Наверняка в Тайге я прошел бы в паре шагов, ничего не заметив, – но в тесной комнатухе без окон прятаться было негде. Я прищурился, потянулся к Основе, и морок рассеялся.

Теперь передо мной сидела самая обычная девчонка в просторной рубашке и с голыми ногами. Худыми, но крепкими – под гладкой и чуть смуглой кожей просматривалась каждая мышца.

Самая обычная девчонка – только упрямая и злющая, как миллион голодных огневолок.

За две недели с нашего... ну, допустим, знакомства я так и не сумел узнать даже имени таинственной таежной снайперши, которая едва не отправила меня к Праматери – зато насмотрелся вдоволь. И запомнил и фигуру, и лицо до малейшей черточки.

Высокая – чуть ли не моего роста, но поджарая. Выглядела она лет на двадцать пять, хоть на самом деле запросто могла быть и чуть помладше меня. То ли пленница еще не успела

обрести положенные женщине формы, то ли жизнь в Тайге в принципе не располагала к изяществу, в ее внешности было что-то от подростка. Крупного и чуть нескладного, с угловатыми крепкими плечами и большими кистями рук.

Волосы густые и жесткие, как проволока, глаза – два черных уголька. Острые скулы, чуть вытянутый подбородок. Точно не красавица, с Еленой даже рядом не стояла, но не лишенная какой-то притягательности. Опасной, хищной и колючей.

Будь Тайга женщиной – пожалуй, именно так бы она и выглядела.

– Что, налюбовался, князь? – поинтересовалась пленница. И безо всякого стыда уселась, откинувшись спиной на стену и сложив крест-накрест длинные ноги. – Смотри – глаза сломаешь... Нравлюсь?

Не знаю, зачем ей это было нужно, но редкий мой визит обходился без таких вот подначек. Я на них, конечно же, не реагировал, однако она упрямо продолжала. Может, просто развлекалась – или таким нехитрым образом пыталась сменить тему и избежать допроса.

– Еще как нравишься, – усмехнулся я, осторожно опуская кашу на каменный пол по ту сторону решетки. – Спать по ночам не могу.

– У-у-у... Да, дело серьезное. – Пленница понимающе закивала. – Насиловать будешь?

От неожиданности я едва не закашлялся. Наши беседы и прежде не отличались последовательностью, учтивостью или глубоким содержанием, однако сегодня девчонка придумала что-то новенькое. Настолько, что я даже почувствовал что-то отдаленно похожее на смущение.

Впрочем, ненадолго.

– А что, не терпится? – улыбнулся я. – Могу гридней позвать, их у меня уже десятка три наберется. А сам, уж извини, побрезгую.

– Жаль, жаль.

Пленница весьма достоверно изобразила на лице печаль. И тут же плюхнулась на спину, скрипнув ветхими пружинами. Потом задрала ноги и уперлась в стену так, что рубашка задралась чуть ли не до низа живота.

– А я уж понадеялась, – задумчиво продолжила она. – Мужик ты красивый, князь, и ребенок бы получился, что надо. Сильный, здоровый, еще и с Даром. В самый раз бы с таким подарком отсюда удрать.

– Ну, удрать тебе в ближайшее время точно не грозит. – Я пожал плечами. – Да и не в ближайшее – тоже.

– Сбегу, князь, непременно сбегу. – Пленница перевернулась на бок. – Это если раньше сам не выпустишь... Скажи – сколько ты уже потерял людей на том берегу?

Девчонка явно знала, о чем говорила. И почти попала в цель – дела за Великановым мостом действительно шли так себе. Особенно последнюю неделю, когда лесные бродяги со своими ящерами обнаглели настолько, что даже днем паслись вокруг стройки где-то на расстоянии прицельного выстрела из штуцера.

Как я и ожидал, у снайперши были друзья. К счастью, не в таком количестве, чтобы нападать на моих людей в открытую, но крови нам с дядей попортили изрядно. Подожгли трактор, всадили пулю в ногу одному из плотников, а остальных запугали так, что бедняги выходили работать только за двойную оплату и под охраной, а половина и вовсе удрала в Отрадное.

Позавчера Соколу прострелили фуражку, и в том, что чертовы лесовики еще не отправили никого на тот свет, было куда больше везения, чем моих верных и удачных решений. А самым паршивым оказалось то, что мы до сих пор толком и не знали, сколько именно таежных стрелков бродит вокруг стройки – трое, пятеро или целая дюжина. Прятаться и бегать они умели ничуть не хуже пойманной мною девчонки, и гридни видели только силуэты в тени сосен. Разговаривать те не желали, однако намек был яснее некуда.

– Отпусти меня, князь. – Пленница будто прочитала мои мысли. – Отпусти – и все закончится. Сразу, в тот же день.

– Все и так закончится, – отозвался я. – Мои люди найдут твоих и прикончат, всех до единого.

– Думаешь? – В полумраке камеры сверкнула ехидная улыбка – два ряда крепких и ровных белоснежных зубов. – Это не так уж просто сделать. Мы тени, а не люди.

– Оставь свои выкрутасы для лежковерных. – Я оперся спиной на прохладный камень стены и сложил руки на груди. – Ты – человек, как и остальные. Из плоти и крови – уязвимые, хрупкие и, похоже, не слишком-то сообразительные. Если уж согласились избавиться от меня за горстку импералов.

Упрямства пленнице было не занимать. Она так и не ответила ни на один мой вопрос. Порой мне даже приходила в голову мысль слегка подпалить ей пятки магией, но девчонка наверняка выдержала бы и это, и другие пытки. Однако я понемногу сумел нащупать по-настоящему слабое место – непомерную гордыню и самомнение, раздутое до размеров Котлина озера.

Они вместе со скукой делали свое дело – и в таких вот перепалках горе-наемница сама того не желая выдавала свои секреты. Понемногу, буквально по чайной ложечке – но все же куда больше, чем я сумел бы вытянуть из нее избиениями или голодом.

– У Тайги нет хозяев, – оскалилась она. – И у меня – тоже. В отличие от тебя, я не кланяюсь никому, кроме старых богов. А вы, князья, – все до одного псы императора!

– Однако в конуре сейчас сидишь ты, – невозмутимо парировал я. – Вольная жизнь, Тайга, свобода... Повторяй себе это почаще. Будет не так скучно одной в клетке, пока я не притащу сюда твоих бестолковых дружков. Кстати, среди них наверняка найдется кто-то более сговорчивый и умный.

Я отлип от стены и шагнул обратно к решетке.

– Тот, кто сообразит, что со мной лучше не ссориться. И нет никакой необходимости расплачиваться жизнью за чужие тайны. Я и так догадываюсь, кто мог натравить вас на моих людей – нужно только, чтобы кто-то не поленился подтвердить это.

Врагов у меня хватало. И по соседству, и в Орешке, и в Тосне, и, возможно, даже в собственной вотчине, но по-настоящему влиятельных и могущественных было немного. А тех, кто мог не пожалеть денег, чтобы нанять Одаренных головорезов, – пожалуй, и вовсе один.

Его сиятельство Николай Платонович отчаянно не желал, чтобы я лез со своими делами в Тайгу. Он честно предупреждал, а я честно не послушал – затеял сначала расчистку дороги, потом стройку перед самой зимой... И, разумеется, последствия не заставили себя ждать.

В сущности, меня удивляла разве что странная затея старика Зубова. Он в очередной раз решил воспользоваться помощью наемников – вместо того, чтобы пригнать на тот берег Невы сотню-полторы гридней. Или лично выползти из берлоги и сравнять всю мою стройку с холодной таежной землицей.

Вряд ли он так уж опасался нового градоначальника Орешка. Орлов, при всем своем упрямстве и способностях, еще не успел обзавестись в городе ни друзьями, ни даже временными союзниками. И, случись что за Великановым мостом, на помощь мне помчались бы не грузовики с солдатами из гарнизона, а пара-тройка урядников... и то не факт.

И уж тем более вряд ли Зубов боялся лишнего внимания со стороны Москвы и лично государя императора. Всю вину за сомнительные делишки взял на себя средний сын – Александр, а остальные, как и прежде, оказались не при делах. Могущества таинственных столличных покровителей хватило, чтобы их сиятельства отделались легким испугом, ссылкой и каким-нибудь штрафом в сотню-другую тысяч рублей.

А значит, Зубовы вполне могут себе позволить такие мелочи, как один большой пожар и дюжина-другая соседских гридней, лежащих на том берегу Невы холодными трупами. И пусть силовое решение наверняка дорого им обойдется, оно все еще кажется если не лучшим, то по

меньшей мере возможным... А раз его сиятельство Николай Платонович медлит – на то есть причины. И кто-то из таинственных лесных стрелков вполне мог их знать.

Но выпытать у девчонки хоть что-то полезное я уже почти не надеялся.

– Натравить? Натравливают собак, князь! – прорычала она сквозь зубы, рывком поднимаясь с кровати.

Все-таки проняло. Стоило пару-тройку раз уколоть в нужное место, как острая на язык бесстыжая бестия, полминуты назад готовая продемонстрировать всю себя хоть в исподнем, хоть без – лишь бы не отвечать на вопросы, – превратилось в ту, кем была на самом деле.

В совсем еще девчонку, юную и бестолковую. Которая вообразила себя не только охотницей и знатоком Тайги, но и крутой наемницей, попалась и теперь отчаянно тешила себя надеждой, что еще несколько таких же бегунов со штуцерами сумеют вернуть ей свободу. За бравадой и попытками смутить меня голыми тощими ногами скрывался ужас. Нет, боли и даже смерти пленница не боялась нисколько, но сама мысль, что ей придется остаться в тесной клетке, оказалась страшнее оружия, пыток и самой убойной магии из моего арсенала.

– Натравливают собак, – повторила она. Уже тише, издевательски-презрительным тоном и с улыбкой на губах – настолько убедительной, что я почти поверил. – Тупых и жадных псов вроде тебя, князь. А я пришла сама, по собственной воле. Просто потому, что мне не нравишься ты. Не нравятся твои люди на моей земле. Не нравится твоя стройка в Тайге... И рожа твоя – тоже не нравится!

– Как скажешь. Сама так сама. Пришла – и попалась. – Я улыбнулся и посмотрел прямо в пылающие гневом глаза. – Сидишь теперь в клетке, а курица твоя чешуйчатая в Тайге упырей кормит.

– Ах ты... – Пленница метнулась вперед, вцепилась в толстые прутья пальцами и трянула так, что решетка с лязгом заходила на петлях ходуном. – Я тебе язык отрежу!

Будь руки у девчонки чуть длиннее, она, пожалуй, смогла бы дотянуться. Но отросшие ногти замерли примерно в ладони от моего лица – и в ход пошла магия. Я едва успел выставить Огненный Щит, когда в подземелье полыхнуло Даром, и воздух сердито загудел, наливаясь магией. Невидимое лезвие рассекло полыхающий круг между нами примерно до середины...

И исчезло. Прятаться пленница умела отлично, и бегала чуть ли не вдвое быстрее меня, но в схватке на заклинаниях силенки оказались неравны.

– И все? – Я с усмешкой стряхнул на пол остывающие искры. – Мало каши ела? Принести плюшку побольше?

– Подавись своей кашей, княжий выродок! – Пленница отступила на шаг, сжимая кулаки. – Ты, считай, уже покойник. Дед узнает, что я здесь, – он с тебя живьем шкуру снимет!

Попалась.

– Понял. Значит, есть еще какой-то дед... Уже что-то. – Я удовлетворенно кивнул. – Благодарю, сударыня.

Черные глаза за решеткой снова вспыхнули сердитыми угольками, но слов на этот раз не последовало. Даже ругани – девчонка наконец сообразила, что в гневе и так разболтала куда больше, чем следовало. И теперь только скрипела зубами, пытаясь испепелить меня взглядом.

Разумеется, безуспешно: из нас двоих только я повелевал первородным пламенем.

– Приятного аппетита. Надеюсь, ваш завтрак еще не остыл. – Я указал взглядом на чудом уцелевшую плюшку на полу и, развернувшись, зашагал к выходу из подземелья. – До скорой встречи, сударыня.

Глава 3

– Ну что? Молчит?

Плечистая фигура на мгновение появилась в дверном проеме над лестницей – и тут же отступила в сторону, освобождая дорогу. Дядя, как и всегда, знал, когда лучше выловить меня, чтобы успеть до обеда нагрузить достойными князя задачами... Ну, или просто страховал – на тот случай, если сердитой девчонке в подвале на этот раз повезет больше, чем обычно.

Он с самого первого дня говорил, что такую гостью лучше держать подальше от бабушки и сестер. С этим я не мог бы поспорить даже при всем желании, однако лучшего места запереть Одаренную, да еще и с мерзким характером, не нашлось ни в Гром-камне, ни даже в Отрадном.

– Молчит, – вздохнул я. – Как рыба об лед. Так, вытягиваем что-то помаленьку...

– Сдалась она тебе вообще? – Дядя закрыл дверь, ведущую в подземелье, и полез в карман – видимо, за ключом. – Только продукты переводит. Не хочет говорить – повесить, и дело с концом.

– Даже так? – Я приподнял бровь. – Вот уж не ожидал...

Чего уж там, мне и самому уже не раз приходило в голову, что если кто-нибудь из гридней тогда, в Тайге, ненароком всадил бы лесной снайперше пулю между лопаток, моя жизнь сейчас была бы куда проще. Никаких бесед, никаких визитов в подвал с тарелками супа, никаких бестолковых угроз... и никаких бесстыже-голых ног!

Только обыденная возня с усадьбой, дружиной и лесными стрелками, которых я рано или поздно передавлю – или по одному, или всех разом.

– А почему нет? – проворчал дядя. – Говорить она явно не собирается, а князь в своей вотчине вправе вершить правосудие.

– Ну... Я поймал девчонку в Тайге. А значит – формально на государевых землях. – Я развел руками. – И к тому же будет неплохо, если она сдаст своих друзей и того, кто заплатил им за весь этот бардак. Тогда мы наконец сумеем прижать Зубовых, и закон встанет на нашу сторону.

– Я бы на это не рассчитывал, Игорь. – Дядя махнул рукой. – Закон этот что дышло...

Похоже, дядя и правда не шутил: на усталом и слегка осунувшемся от недосыпа лице я не заметил и намека на улыбку. Он и прежде всегда осторожничал, но все же был не чужд милосердия. И того, что в среде аристократов, хоть бы и провинциальных, принято называть честью. Ведь одно дело убить опасного и сильного врага в открытом бою лицом к лицу, и совсем другое – вздернуть его без всякого суда.

– Накинуть петлю на шею, да найти сосну повыше, – продолжил ворчать дядя. – Чтобы ее друзья видели, чем все закончится. А то обнаглели уже вкрай!

– Да что на тебя нашло? – не выдержал я. – Не с той ноги встал?

Глаза напротив сердито сверкнули – и тут же потухли. Спорить со мной явно никто не собирался. При всех своих переживаниях за сестру и бабушку дядя вряд ли забыл, что значит слово «репутация».

А она, как ни крути, пока еще была моим главным оружием в холодной войне с Зубовыми.

– Действительно... Тьфу ты, как бес попутал! – Дядя зажмурился и потрянул головой. – Злющий хожу, как собака. Утром с Катюхой поругался, теперь вот это... Отдохнуть бы нам всем, по-хорошему. Только некогда.

– Некогда, – кивнул я. – Ладно, пошли-ка на улицу. Мне тоже воздухом подышать не повредит.

Дядя молча кивнул, и через несколько мгновений мы уже спустились с крыльца и не торопясь двинулись к обрыву над Невой. Солнце уже понемногу клонилось к закату – дни

становились все короче, и вечер теперь наступал чуть ли не сразу после обеда. Ветер задувал с севера уже по-зимнему сердито, но я скорее радовался холоду – он, как ни крути, остужал горячую после беседы с пленницей голову... И не только голову.

И не только у меня: прошло несколько минут, и недовольное сопение дяди, стоявшего рядом среди сосен, наконец стихло.

– Ладно... Вешать девку, конечно, не дело, – тихо проговорил он, поправляя ворот куртки. – Но и здесь держать тоже не стоит. Сбежать, может, и не сбежит, но крови попортит точно. Отвези ее в Орешек к Павлу Валентиновичу – пусть сам разбирается. И с судом, и со следствием, и со всем остальным. Места в крепости много, а охранять и солдаты могут. Им за это государь жалование платит.

– Вот только этой занозы им там и не хватало, – усмехнулся я. – И что ты с нее спросишь? Землянку в Тайге с ящером своим подожгла? Ну так за это месяц посидит – и отпустят. Если раньше не сбежит.

– Ну... может, подстрелят ненароком – при попытке, так сказать... – проворчал дядя. Правда, теперь уже без особой злобы. – Здесь держать тоже нехорошо... А что еще сделаешь?

– Да черт его знает. – Я поморщился и сплюнул на пожелтевшую траву. – Но с лесовиками этими надо кончать... Понять бы, кто они такие. И откуда взялись.

– Да все оттуда же. – Дядя ковырнул ботинком какой-то камушек. – Тайга большая, а денег у Зубовых много. Нашли дураков.

– Одаренных? С огнедышащими ящерами? – Я усмехнулся и покачал головой. – Не припоминаю, чтобы такие встречались на Пограничье на каждом шагу. Нет, дядь Олег. Может, за рекой бродят и наемники, но уж точно не обычные. И отыскать их логово будет куда сложнее, чем спалить пару сараев в Орешке.

– Тоже верно, – вздохнул дядя. – Они и правда как не люди, а призраки какие-то. Уже такие слухи по Отрадному ходят, что скоро к нам работать ни за какие коврижки народ не пойдет.

– Это какие? – мрачно уточнил я.

– Да всякие, Игорь. Столько напридумывали, что половину и не упомнишь. – Дядя махнул рукой. – Одни говорят, что это сами Зубовы по лесу бегают. Другие, что Тайга на нас обиделась и скоро в Гром-камне все от болезней помрут. А третьи – что у беглых каторжан на Котлином озере свое поселение. И у них там свой князь, свои гридни – прямо как вотчина настоящая, только власти государевой не признает.

Я поморщился. Первая версия явно была плодом чьей-то чересчур богатой фантазии, а вторая походила на сказку. Третья... третья, пожалуй, тоже – но и истины в ней хватало. Кто бы ни повадился обстреливать по ночам нашу стройку за Невой, у них имелось и оружие, и те, кто умеет с ним обращаться не хуже гридней, солдат и вольников.

И даже Одаренные... Одаренная. Может, и не княжна, но явно и не простая девчонка.

– А ты сам что думаешь? – спросил я.

– А я думаю – бредни это все и слухи. Сказки для малых детей. – Дядя развернулся на каблуках ботинок и зашагал обратно к дому. – От Котлина озера на юге до Гатчины всего-то километров тридцать. Хоть и по Тайге, но дойти можно, а доехать – тем более. Старик Зубов с вольниками на короткой ноге всегда был, но такой дряни у себя под боком терпеть бы не стал. Давно бы уже собрал дружину с сыновьями и спалил там все к чертовой матери, даже если чего построили.

– На юге... – задумчиво повторил я, прикидывая в уме расстояние от Великанова моста до тех мест, куда ни местные, ни горчаковские гридни не ходили уже лет двадцать. – А на севере? Есть что-нибудь?

– Да нет там ничего, Игорь! – Дядя уже не пытался скрывать раздражения. – Нет – и быть не может. Это тебе не лес за Невой, а самая настоящая Тайга. А в ней небось и сейчас

такая дрянь водится, что хоть целую роту солдат с картечницами отправь – назад не вернуться. Дороги за неделю зарастут, а ржавчина любое железо так жрет, что хоть в три слоя штуцер смазывай – все равно сгниет. Моторы барахлят, радио толком не работает, компас не работает. Лес во все стороны одинаковый, чуть от своих отбился – все, считай, пропал... А сейчас еще и темнеет рано, и холод! – Дядя покачал головой. – Нет места в Тайге для человека, и не было никогда. И не будет.

– Без компаса, конечно, тяжело. – Я шагнул на крыльцо. – Но откуда-то эта ящеричная кавалерия ведь взялась? Или, думаешь, тоже Зубовы? У себя в подвале из куриных яиц выращивали?

– Да ладно тебе ёрничать! – огрызнулся дядя. – Приручили как-то. Лошади с собаками тоже не сразу появились.

– Не сразу... – задумчиво повторил я, открывая дверь. – Но они хотя бы без аспектов. А ящеры огнем плюются. Таких попробуй приручи.

Через прихожую и гостиную мы шли молча. Уже у двери, ведущей на кухню, дядя недовольно засопел, вздохнул, но так и не ответил – крыть ему, видимо, оказалось уже нечем.

– Я, конечно, здесь всего-то с сентября живу, – продолжил я, осторожно разливая в две чашки полуостывший чай. – Зато книжки иногда читаю. И там русским по белому написано, что таежная фауна за редким исключением не поддается дрессировке. Звери за рекой крупнее, сильнее, агрессивные обычных, а такие, как эти ящеры, наверняка еще и не против подкрепиться человечинкой.

– Значит, их дрессировали с... вот пока голова вот такого размера была – тогда и дрессировали. – Дядя поднял сжатую в кулак руку. – Приучали ходить под седлом. Защищать хозяина.

– Ну наконец-то. Теперь соображаешь, – ухмыльнулся я, ставя на стол чашку. – Брали мелкоту, а не взрослых чудищ. Такое не провернешь за год... И за десять, наверное, тоже. Кто бы ни затеял это все, времени он потратил немало.

– К чему ты клонишь? – буркнул дядя, грузно плюхаясь на стул.

– К тому, что мы знаем о Тайге куда меньше, чем хотелось бы. – Я развел руками. – А если вдуматься – то вообще почти ничего. Вспомни карту в кабинете. Пометки только за рекой и на куске около Котлина озера, прямо над владениями Зубовых и Горчакова. А дальше на север, считай, ничего. Сплошные белые пятна.

– Ну и нечего там делать, Игорь.

Дядя снова огрызнулся – но уже как-то тихо и неуверенно. Сама мысль о том, что где-то там, в нескольких десятках километрах за Пограничем, могут жить не только твари с аспектами, но и люди, явно не приводила его и восторг. Но убедительных возражений, похоже, так и не нашлось.

– Пока отец с Мишкой в Тайгу не полезли – тихо ведь все было. – Дядя тоскливо вздохнул, отхлебнул из кружки и поморщился – видимо, чай оказался то ли горьким, то ли слишком холодным. – И вот хотелось им?... Жили себе и жили, пусть небогато, зато тихо-спокойно. А сейчас что не день, так новое приключение. То зверье с аспектом, то автоматы, то упырей целая толпа... Теперь еще и капюшоны эти с ящерами!

– Да уж. – Я осторожно уселся на край стола. – Ну прямо ящик Пандоры открыли.

– Вот! И я говорю! – Дядя, похоже, не услышал в моем голосе иронию. – А теперь еще и ты туда лезть хочешь!

– Не хочу, – честно признался я. – Вот совсем не хочу. Но придется. Потому как сама по себе эта дрянь точно не прекратится. Ни сейчас, ни через полгода. Что бы там ни разворошили отец с братом, спать оно ляжет нескоро.

Чем дольше я размышлял о происхождении таинственных таежных стрелков, тем больше убеждался, что байки вольников про княжество далеко за Невой могли оказаться...

Могли оказаться не такими уж и байками. И если так – девчонка, запертая в подвале, все-таки не врала: она действительно пришла по мою душу не потому, что кто-то заплатил ей и остальным лесным бродягам денег. Они просто защищали свою землю от захватчиков, явившихся с тракторами и провонявших всю Тайгу бензином и порохом.

– Впрочем, пока можешь не переживать, – продолжил я, кое-как отогнав невеселые мысли. – До весны – никаких экспедиций, никаких дальних вылазок, от силы километров на десять – и хватит. В мороз по Тайге далеко не уйдешь.

– Думаешь, без мороза легче будет? – ехидно поинтересовался дядя. Но потом все-таки через силу кивнул. – Но делать нечего – из-за реки нам уходить уже поздно. Придется как-то на том берегу окапываться.

– Люди нужны... Да много чего нужно, если разобраться. – Я на мгновение задумался. – Сколько у нас сейчас человек?

– Где-то три дюжины. И еще двое из Новгорода едут. У них отец у Белозерского служит, а сами сюда решили. – Похоже, дядя искренне обрадовался, что мы наконец сменили тему беседы на более насущную. – Я их давно знаю – ребята молодые совсем, но крепкие, хорошие. Кровь горячая... И машина своя имеется.

– Машина – это хорошо, – кивнул я. – А с солдатами чего? Приехали?

– Еще позавчера Сокол из Орешка привез. Говорит: толковые, головой ручаюсь.

– Все равно мало. Надо больше. – Я потянулся, разминая затекшие плечи. – Оружие, форму надо... Никаких денег не напасешься.

– Ага. А ты решил на лесопилку эту вашу все потратить. Еще и целого профессора из Москвы выписал. Бетон тоже в копейку встанет...

Дядя явно настроился высказать мне за все и сразу, но не успел. За дверью раздались негромкие шаги, и через мгновение на кухне появилась бабушка. Как и всегда, одетая в простое домашнее платье и с аккуратно уложенными на голове седыми косами, но бледная и усталая, будто ночью не спала, как положено, а до самого утра стояла здесь у плиты.

– Вы чего тут сидите? – хмуро поинтересовалась она. – Середина дня, а все чаи гоняете. Будто заняться больше нечем.

– Так мы это... работаем. Разговариваем, точнее, – недоуменно отозвался дядя. – Зашли вот.

– Кабинета мало? – Бабушка уперлась ладонями в бока и, развернувшись ко мне, сдвинула седые брови. – А этот на столе сидит... Тебя что, медведи в Тайге воспитывали?

– Анна Федоровна!

Я редко обращался к кому-то из своей семьи на вы или по имени и отчеству. Но когда такое случалось, обычно это означало... в общем, означало. Бабушка безраздельно властвовала в обеденном зале, гостиной и уж тем более на кухне, и в любой другой день мне было бы попросту лень с ней спорить. Но беседа с дядей случилась сразу после randevu в подвале – и весь свой сегодняшний запас терпения, милосердия и благодушия я, похоже, исчерпал.

– Да ладно уж. Сиди, если так хочется. – Бабушка махнула рукой и поморщилась. – Извини, Игорь. Я сегодня с самого утра заведенная хожу. Вон, даже с Полиной полаялась.

– Ты? С Полиной?

Определенно, в Гром-камне творились странные дела. Дядя мог просто устать от переживаний за домашних, меня по самое не балуй накрутила девчонка в клетке, да и бабушка демонстрировала фирменный костровский характер не так уж редко. Однако поссориться с Полиной в принципе было почти невозможно. С самого моего появления здесь такое случилось...

Да, пожалуй, впервые.

– Что это с ними такое? – негромко поинтересовался дядя, когда бабушка вышла. – Не с той ноги встали?

– Вот уж не знаю. Погода, наверное, портится. – Я шагнул к окну и взглянул в серdito-серое и низкое осеннее небо. – Зима близко.

Глава 4

Гридень – высокий, худой, похоже из новеньких – отсалютовал мне штуцером и на всякий случай вытянулся по струнке, приложив пальцы свободной руки к полям камуфляжной панамы. То ли намокшим под утренним дождем, то ли просто слегка обвисшим в силу кроя. Выглядел головной убор не слишком эффектно, зато и от солнца, и от непогоды наверняка защищал куда лучше кепок или солдатских фуражек, которые большая часть дружины носила по привычке после государственной службы.

Хотя встречались и береты, и шляпы, и даже вязанные шапочки – кто во что горазд. Мысленно пообещав себе заняться вопросом единообразия формы, я кивнул в ответ и слегка придавил тормоз. «Козлик» послушно замедлил ход, отвернул от Невы на кое-как расчищенную трактором дорогу и не спеша покатился вдоль Черной. Река то и дело мелькала слева среди деревьев, искрясь брызгами вокруг камней и притягивая взгляд, но я выискивал глазами фигуры в камуфляже.

Здесь посты стояли через каждые несколько сотен метров – иначе работяги попросту отказывались выходить на смену. Обычно лесные стрелки со своими чертовыми ящерицами нападали ночью, однако ногу лесорубу искалечили чуть ли не в полдень. Гридни умели не высовываться, а парень зачем-то поперся к самой реке, наплевав на все указания. По слухам, штуцер громыхнул с того берега, примерно с сотни шагов – и только поэтому пуля угодила не в сердце, а чуть ниже колена.

Я, конечно же, выплатил бедняге изрядную сумму в качестве компенсации, но уже на следующий день количество желающих наняться на работу в Тайгу уменьшилось примерно вдвое. И нам с дядей пришлось выгнать за Неву чуть ли не всю дружину. Сокол со своими парнями дежурил у Черной чуть ли не сутками, и я мог только догадываться, на сколько их еще хватит.

Зато на дороге работа почти подошла к концу: деревья вырубili, пни выкорчевали, а траву и мох раскатали гусеницами тракторов так, что даже Тайга пока не сумела вновь высадить их на колее. Единственной настоящей проблемой здесь стали лужи от бесконечных ноябрьских дождей, но с ними «козлик» и другие машины справлялись, хоть и не без труда.

Так что теперь работа кипела по большей части прямо у реки. Там, где всего пару недель назад была одна-единственная землянка, местность стремительно превращалась в крохотное поселение. Еще не деревню, но куда крупнее и солиднее заимки к северу от Великанова моста. И даже ночью здесь оставались не несколько человек караульных, а, можно сказать, целый гарнизон – хоть и крохотный. Жихарь рассказывал о самой настоящей дозорной башне. Точнее, о крохотном домишке, который плотники из Отрадного сумели прилепить прямо к стволу сосны на высоте в десять метров.

И до всего этого богатства я не доехал совсем чуть-чуть – отвлекся на мелькнувшую слева у реки фигуру. Боровик вышел на берег то ли проветриться после работы, то ли напрямик из-за обеденного стола. В здоровенных кирзовых сапогах, штанах от списанной в утиль формы и майке. Когда-то белой, но теперь покрытой ровным слоем опилок, грязи и копоты.

Явно не по погоде одежда – зато на голове у старика красовалась бесформенная меховая шапка с оторванным ухом. Видимо, утренний воздух уже всю кусал морозом благородную лысину.

Когда я свернул с дороги и заглушил мотор, Боровик даже не обернулся – настолько был увлечен своим занятием. Взмах, бросок – и что-то небольшое, но увесистое плюхнулось в воду прямо у того берега, а старик уже тянулся к лежащему у ног мешку за следующим снарядом. Подойдя поближе, я разглядел в складках брезента пару потемневших картофелин,

половинку репы и покрытую плесенью буханку хлеба – как раз к ней-то и тянулась рука с четырьмя короткими цепкими пальцами.

Точнее, с четырьмя с половиной: кусок мизинца Боровик отхватил себе топором еще в молодости, когда и не помышлял о службе в княжеской дружине.

– Опять зверюгу свою подкармливаешь? – строго поинтересовался я.

– Кто?.. Тьфу ты, мать милосердная!

От неожиданности старик подпрыгнул, разворачиваясь, выронил хлеб и обеими руками схватился за висевшую на поясе кобуру с револьвером. Но, узнав меня, тут же выдохнул.

– Напугали, ваше сиятельство! – проговорил он. И, улыбнувшись, показал куда-то в сторону реки. – Подкармливаю, получается. Вот туда на берег как раз все и кидаю. У нас бывает, что и хлеб пропадет, а чем просто выбрасывать – лучше Султану отдадим. Он уж привык ко мне, по утрам сам на камни выползает – и лежит ждет.

Будто в ответ на слова Боровика на той стороне Черной раздался треск, шелест веток, и через мгновение слизень показался из леса и неуклюже, но весьма проворно спустился к воде. Мне показалось, что с нашей последней встречи Султан подрос еще немного, и теперь размерами напоминал уже не грузовик, а целый автобус – вроде тех, что ходили по Москве.

– Нормально ты его откормил, – проворчал я. – Здоровый стал. Скоро помои доест – и за людей возьмется.

– Да не может такого быть, Игорь Данилович! – Боровик принял мою шутку за чистую монету и тут же принялся оправдываться. – Он же не хищный, охотиться не умеет. И ручной уже совсем! Меня запомнил, отзывается... Да сами посмотрите! Эй, Султан! Султан!

Заслышав крик Боровика, слизень тут же всколыхнулся и пополз туда, где только что шлепнулась на камни заплесневелая буханка. Через несколько мгновений она исчезла, а Султан замер у самой кромки воды, всем своим видом выражая, что он нисколько не против добавки.

– И ведь до чего полезная скотина. Лучше любой собаки! – продолжил Боровик, расхваливая своего питомца. – На днях Рамиль из Отрадного пса какого-то рыжего притащил. Так он весь день носился, лаял – а ночью дрых без задних ног, хоть бы ухом шевельнул, пока хмыри эти лесные на том берегу шастали. А Султан, умничка, уже сколько раз выручал, ваше сиятельство! Если в темноте на том берегу ветками трещит – значит, разбудили. А если к реке выползет – точно за ружье берись, рядом уже. Видать, магию эту самую в ящерах за версту чувствует.

Я молча кивнул. Старик наверняка все изрядно приукрашивал, но в основном, похоже, не ошибся: слизень, как и любая тварь с аспектом, умел чувствовать других тварей с аспектом издали – и особенно огненных. И в этом смысле действительно был надежнее самой сообразительной сторожевой собаки.

– Опять, значит?.. – тоскливо вздохнул я. – Сегодня тоже приходили?

– Сегодня вроде тихо, ваше сиятельство. – Боровик одним махом швырнул за реку остатки подгнивших овощей и подхватил мешок с земли. – А так, конечно, никуда не делись. Шастают на том берегу. На днях подстрелили одного.

– Человека?!

– Ящера, – вздохнул Боровик. – Николай тогда дежурил. Аккурат перед рассветом из «холланда» шарахнул – потом еще как бы не час что-то в кустах верещало, только под утро стихло. Ну, мы, ясное дело, в темноте-то проверять не полезли, чего там и как.

– Попал? – Я поправил ножны за спиной и неторопливо зашагал вдоль реки. – А ты откуда знаешь, что там ящер, а не олень какой-нибудь огнедышащий?

– Ну так мы потом-то нашли. Здоровый, зубастый – он еще шагов двадцать прополз, только потом издох. И сбруя на нем точно была, ваше сиятельство. Седло, узда на морде. Их снять-то сняли, но следы все равно остались. – Боровик запустил пятерню под шапку и задумчиво поскреб затылок. – А стрелок, выходит, того... ушел.

– Жаль.

Моя вылазка в Тайгу оказалась удачной, но после поимки дикой девчонки удача от моей дружины, похоже, отвернулась. Парни то и дело палили по соснам за Черной, однако за все это время подстрелили только несчастного ящера.

Так себе математика.

– Да ничего, ваше сиятельство. Работать, конечно, мешают, но строимся, строимся помаленьку. – Боровик чуть ускорил шаг, чтобы не отставать от меня, и свернул к реке. – Я вам сейчас все покажу!

Деревья расступились, и прямо передо мной появился мост. Узенький и хлипкий с виду, зато весьма остроумной конструкции: я разглядел два пролета из наспех сколоченных бревен и опору в виде торчащего прямо из воды мокрого валуна. Перила присутствовали только с одной стороны, но в целом сооружение, несмотря на простенький вид, оказалось довольно надежным.

Боровика, во всяком случае, выдержало без труда.

– Здесь мы уже тоже расчищаем помаленьку, ваше сиятельство, – пояснил старик, спрыгивая на камни у того берега Черной. – Старые деревья, понятное дело, не трогаем, больно возни много, но молодняк уже, считайте, у реки весь срубили. Теперь сюда попробуй подойти – за сто шагов видно!

Действительно, за мостом лес изрядно поредел, и глаз без всяких усилий выцепил среди стволов сосен небольшую возвышенность в отдалении. Маскировку Боровик, как и прежде, сделал отменно, и прорезей или бойниц я от моста, но не разглядел, но почему-то сразу понял, что именно там и скрывается блиндаж.

– Правильно смотрите, ваше сиятельство. – Старик улыбнулся и, осторожно потянув меня за локоть, указал в другую сторону. – А вот там второй выкопали. Наблюдательный пункт, так сказать... По полсотни метров со всех сторон – мышь не проскочит. Нам бы еще прожектор сюда – тогда вообще красота будет!

– Нельзя прожектор, – вздохнул я. – Линза дорогушая, а ее любой валенок ночью из штуцера с пары сотен шагов расколотит. Попробую охранные чары поставить.

– А сумеете, Игорь Данилович? – с надеждой уточнил Боровик.

– Постараюсь.

На полноценную защиту – вроде той, что отец, дед и прочие славные князья Костровы сплели вокруг Гром-камня – сил бы точно не хватило. Повесить боевые заклинания там, где в эфире круглые сутки творится невесть что, задача как минимум для профессора из столичной академии, а не для князя-самоучки, еще не разменявшего третий десяток лет. Расставляя здесь магические ловушки, я бы рисковал как минимум своими людьми, постройками и всем вокруг: одна ошибка или колебание фона чуть сильнее обычного – и какой-нибудь Огненный Шар срывается с привязи и летит Матерь знает куда, поджигая все на своем пути.

Но дотянуть сюда от алтаря ниточки сигнальной сети стоило по меньшей мере попробовать – тем более что Катя обещала помочь. Не знаю, в каких журналах она успела вычитать про такие хитрые системы, но теоретически...

Теоретически могло сработать.

– Вы уж попробуйте, Игорь Данилович. – Боровик развернулся и зашагал обратно к реке. – Теперь-то нам тут есть что беречь – сами полюбуйтеся.

На том берегу сосны росли погуще и закрывали всю панораму, но с моста я разглядел и ограду – колья из свежесрубленных деревьев, окружавшие небольшой клочок земли на берегу. Над ней возвышались несколько чудом уцелевших старых сосен, на одной из которых я разглядел крохотный домик. Или скорее площадку с навесом и стенами из досок. На полноценную дозорную башню это, пожалуй, не тянуло, но наблюдательный пункт получился отличный.

Прямо под ним над кольями возвышались стены сруба, а чуть дальше стоял второй.

– Из Ижоры привезли на днях, – пояснил Боровик, проследив мой взгляд. – Его сиятельство Ольгерд Святославович велел отправить. Ну а мы уже тут и собрали. Крышу с окнами

ставить пока рано, бревна еще не уселись, а подсушить – пожалуйста. До весны как раз постоят – чего им будет?

Я нахмурился, но спорить все-таки не стал. Лесные стрелки попортили и мне, и Боровику немало крови, однако в их способность подвести ящеров на расстояние прицельного плевка огнем и спалить постройки все же не верилось. Срубы были надежно защищены частоколом и рекой, а их, в свою очередь, охраняли гридни. Которые сидели за крепкими и толстыми стенами, а стрелять умели немногим хуже незваных гостей.

– Землянки тоже имеются, ваше сиятельство, – продолжил Боровик, неторопливо шагая к ограде. – Одну большую вырыли, и еще две поменьше. Долго ковырялись – грунт плотный, камней много... Зато теплые получились – зимой точно не замерзнем!

– Понятно, – кивнул я. – А публика как? В Отрадном вольники, говорят, уже появились. А сюда как – дошли?

– Так точно, ваше сиятельство. – Боровик махнул рукой часовому на сосне, открыл калитку и отошел в сторону, пропуская меня вперед. – Человек двадцать уже есть. Кто-то со своим скарбом, кто-то так... Ну, мы их кое-как поселили. Обживаются понемногу.

– Что хоть за люди? – Я шагнул за ограду. – Ведут себя как – прилично?

– Разный народ, Игорь Данилович. С виду-то не скажешь, что на уме, а документов мы не спрашиваем... Да и без толку оно. – Боровик пожал плечами. – Но пока сидят тихо. Знают, чье это все и что у вашего сиятельства со всяким сбродом разговор короткий.

– Правильно знают, – усмехнулся я. – Молодец. Приглядывай тут за ними, и чтобы без дела не сидели. Пусть слушаются. Ты же теперь вроде как тут комендант. Как в Орешке – только крепость поменьше.

– Ну прям уж... Скажете тоже, Игорь Данилович.

Боровик отмахнулся, тут же густо покраснев, но я успел заметить, как на обветренных от холодного воздуха Тайги губах мелькнула улыбка. Старик работал ничуть не меньше, а может, даже больше любого из молодых лесорубов и плотников, однако все же оказался не чужд тщеславия.

И хорошо: в его годы куда лучше рулить стройкой и бытом по эту сторону частокола, чем собственноручно махать топором.

– А так – у каждого свое занятие есть. Кому деревья валить, кому в патруль. А кому кашеварить. – Боровик указал на людей, рассевшихся вокруг костра. – Как раз вот обедают.

Я насчитал полдюжины мужчин разного возраста, от совсем молодых парней до седовласых ветеранов – один даже оказался чуть ли не ровесником Горчакова. Двое были одеты в камуфляж моей дружины, а остальные – как попало, в армейские штаны с карманами и выцветшие куртки без погон, шевронов или каких-либо знаков отличия.

Вольники. То ли охотники, то ли золотоискатели, то ли просто бродяги, приехавшие на Пограничье попытать счастья в Тайге. Люди самого разного происхождения и возраста сидели бок о бок и трапезничали – котелок, висевший на палке над костром, объединял и уравнивал всех.

Большинство ели молча, нарушая тишину только постукиванием ложек о миски, но одного беседа, похоже, интересовала куда больше супа. Невысокий худой парень с убранными в хвост светлыми волосами сидел к нам спиной и отчаянно жестикулировал.

– ...а я вам говорю – это все неспроста! – произнес он, взмахнув рукой. – Это не простой человек за рекой бродит. А тот, кого и пуля не берет, и сабля не рубит – иначе давно бы уж поймали. Не может такого быть, чтобы у князя Кострова гридни стрелять разучились!

Судя по голосу, парень был совсем молодой – мой ровесник, если не младше. Но вещал с такой убедительностью, что мужики, которые годились ему чуть ли не в отцы, слушали, не перебивая, а старик и вовсе перестал орудовать ложкой.

– Так кто же это такой? – тихо спросил кто-то с той стороны костра. – Князь Зубов?

– А вот и нет. Это сам хозяин Тайги! – Парень сделал театральную паузу, уже почти шепотом закончил: – Черный Ефим!

Вольники дружно выдохнули, а один из гридней даже отшатнулся, забавно задрал ноги. Парень, похоже, именно такого эффекта и добивался – и тут же продолжил замогильным голосом:

– Можете не верить – только я его сам встречал. Он ведь не всем показывается, не просто так, а только если...

Когда мы с Боровиком подошел поближе, вольники тут же подобрались, а гридни отставили миски с супом и вскочили, чтобы меня поприветствовать. И только парень так ничего и не заметил. Все прочие едоки уже вовсю делали страшные глаза и показывали пальцами ему за спину, а он продолжал рассказывать как ни в чем не бывало.

– ...а за плечами ружье носит. И не простое, а старое, такие еще при царе Петре были. Мушкет называется! Говорят, из такого с пятисот шагов пулю оленю в глаз положить можно, а если в человека стрелять...

– Интересно, интересно, – усмехнулся я, положив парню руку на плечо. – Черный Ефим, говоришь?

Глава 5

От неожиданности бедняга подпрыгнул. Дернулся, выронив миску с супом, и едва не сиганул прямо в костер. Остальные дружно расхохотались, но тут же смолкли: в присутствии князя полагалось вести себя прилично.

– Здравия желаем, ваше сиятельство! – нестройным хором выдали гридни.

Вольники тут же повскакивали и тоже наперебой принялись любезничать. И к ним не присоединился только парень, травивший байку про какого-то Черного Ефима. Он плюхнулся обратно на бревно, заменявшее едокам скамью, и даже поворачивался медленно и осторожно – будто до последнего надеялся, что за спиной окажется кто угодно, только не сам грозный князь Костров.

Не повезло.

Я все-таки слегка ошибся: горе-сказочник оказался не моим ровесником. Еще моложе – а выглядел и вовсе лет на шестнадцать. Грязная тощая шея, голубые глаза навывкат, нос, острый подбородок. Единственной крупной «деталью» на лице был нос – мясистый и неожиданно основательный для невзрачной физиономии. Парень носил древний и сто раз штопанный камуфляж размера этак на четыре больше нужного, да и вообще вид имел такой, будто сбежал на Пограничье из гимназии или реального училища.

– Чего замолчал? – поинтересовался я. – Мне тоже хочется послушать.

– Так я это, ваше сиятельство... Ну...

Парень кое-как поднялся, снова едва не улетев в костер. И тут же принялся бестолково оглядываться по сторонам, в отчаянной надежде выискивая глазами хоть что-то похожее на путь к спасению.

И мироздание, как ни странно, ответило его безмолвной молитве: где-то к северу от частокола громыхнул выстрел, и часовой на сосне что-то крикнул. Гридни с вольниками тут же бросились к штуцерам и ружьям на стойке. И на этот раз белобрысый сказочник среагировал первым: видимо, стоять перед князем ему не хотелось совершенно, а причина для побега показалась достаточно уважительной.

Мне тоже – пальба в Тайге определенно означала куда бо́льшие неприятности, чем какие-то байки.

– Чего там? – заорал Боровик, запрокинув голову. – Видишь?

– Человек бежит... – отозвался голос на сосне. И тут же рявкнул на весь лес: – Наш! Открывайте ворота!

Все тут же бросились к восточной стене – туда, где плотники оборудовали въезд для машин. Я же рванул к северной, на звук выстрела – на тот случай, если из Тайги вдруг вылезет автоматон или тварь, которую придется немедленно лупить убойной магией.

На небольшом помосте у частокола возвышалась плечистая фигура Рамиля. Он уже вовсю выцеливал что-то снаружи из штуцера, но стрелять пока не спешил.

– Кто там? – спросил я, одним прыжком взлетая наверх.

– Не вижу пока... На той стороне Николай с Соколом стояли. Вот из них кто-то и бежит, – негромко отозвался Рамиль, не отрывая щеки от приклада. – За деревьями...

Пока из леса доносился только треск веток, сопровождаемый топотом ботинок об землю. Кто-то очень спешил сюда, но разглядел высокую тощую фигуру в камуфляже я, только когда она выбралась на открытую местность примерно в сотне шагов отсюда.

Сокол и раньше неплохо показывал себя на тренировках, но теперь мчался так, будто за ним гнался сам черт... или целая тысяча чертей. Длинные ноги мелькали отсчитывая шаги, отросшие черные волосы развевались, а штуцер так болтался на ремне за спиной, что лишь чудом еще не оторвался и не улетел в пожелтевшую траву.

– Давай туда! – крикнул Рамиль, мотнув стволом штуцера влево. – К воротам!

Но Сокол его будто и не услышал. Не знаю, что за чудище за ним гналось, но оно оказалось достаточно проворным, злым и опасным, чтобы бедняга посчитал крюк в полсотни шагов непозволительной роскошью. Любой другой на его месте ломился бы к воротам, но тощая фигура мчалась напрямик к нам, на бегу вытягивая руку.

И я только в самый последний момент сообразил, чего от меня хотят. Сокол коротко выдохнул, оттолкнулся от земли и взмыл в воздух. Ткнулся ботинком в частокол, и в следующее мгновение мои пальцы сомкнулись на мокром от пота худом запястье. Спина тут же отозвалась болью, сердито хрустнула – но все же распрямилась, подбрасывая два метра фельдфеевского тела над деревянными острями.

– Совсем с дуба рухнул?! – выругался я, ставя прыгуна на помост. – Ты чего тут скачешь?

– В... ваше... сиятельство... Там! – выдавил Сокол из пересохшей от бега глотки, протягивая руку в сторону леса. – Мед... ведь!

И будто в ответ на его слова Тайга снова ожила. Теперь, когда никто больше не стучал по земле ботинками, я почувствовал, как помост подо мной легонько подрагивает. С той стороны, откуда примчался Сокол, опять затрещали ветки – только на этот раз вдесятеро громче. Тварь, которая ломилась сюда через лес, была крупнее человека.

И намного. Судя по грохоту, ей вполне хватало и сил, и веса сносить целые деревья и ломать стволы, а не просто обдирать кору. Прямо на моих глазах сосенка метров в десять высотой дернулась, наклоняясь, и с протяжным хрустом свалилась, исчезая за густой хвоей своих более удачливых сестер.

– Заприте ворота! – хрипло выдохнул Сокол, снимая с ремня штуцер. – Сейчас... вылезет!

После пробежки и наших акробатических этюдов бравый фельдфебель еле стоял на ногах, но оружие держал крепко. И продолжал бормотать что-то, однако я уже почти не слушал.

Знакомое ощущение накрыло меня с головой. Что-то похожее я чувствовал на капище с древними идолами, когда нас с Горчаковым и Друзьками обступили упыри. Аспект Смерти работал на полную катушку, наполняя эфир густой, тягучей и холодной силой, но в тот раз ее ходячих источников было несколько десятков.

А теперь – только один... Зато какой! Основа встрепенулась, уловив едва ощутимую пульсацию магии где-то со стороны реки. Султан тоже почуял конкурента, без всяких раздумий определил его, как более могучего и опасного, и удирал.

Слизень, способный отрастить почти неуязвимую ледяную броню, драпал, поджав... что-то.

– Ну и страхолюдина... – пробормотал Рамиль, легонько лязгнув об частокол стволом штуцера. – В жизни таких не видел.

Сосны в последний раз хрустнули, расступаясь, и из леса показался медведь... Нет, даже не так – Медведь! Не мертвое, но и не совсем живое чудовище оказалось раза этак в полтора крупнее того, что я встретил в конце сентября. Да и выглядело куда страшнее.

Два моих роста в холке, не меньше. Не знаю, мог ли некромедведь перешагнуть через стену или взять ее с разбега, но заостренные бревна в ногу толщиной больше не казались надежной защитой.

– Мать милосердная... – пробормотал кто-то за моей спиной – кажется, Боровик. – Шестой разряд, как бы не седьмой! Это ж сколько он на свете-то жил?..

Насчет «жил» я бы, пожалуй, поспорил, однако в остальном старик был прав: к нашей крепости вышла матерая, сильная и определенно древняя тварь. Наверняка медведь появился на свет еще в позапрошлом веке, умер, снова восстал – и десятилетиями рос, набирая мощь аспекта и пожирая таежных тварей калибром поменьше.

Он сумел обзавестись не только здоровенными когтями и шкурой толщиной в ладонь, но и тем, что у обычных зверей отсутствовало в принципе. Морда на короткой могучей шее лишь отчасти напоминала медвежью – большую ее часть покрывали длинные заостренные наросты. То ли рога, то ли затвердевшие от времени уродливые бородавки. Присмотревшись, я заметил такие же, только чуть меньше, на спине и боках. Они еще не успели срастись в сплошной покров, но уже делали тварь почти неуязвимой и для пуль, и для зубов и когтей.

Справиться с природным доспехом наверняка не сумели бы даже самые крупные и свирепые из обитателей Тайги. На своей территории медведь фактически не имел конкурентов – на нас двигалась воплощенная в плоти верхушка пищевой пирамиды.

И самым страшно было то, что гигант никуда не торопился – просто двигался вперед трусцой, толкая перед собой волну мощи аспекта. Полноценной пробежки, пожалуй, не выдержали бы сами кости – огромные и толстые, но все же слишком хрупкие для запредельного веса тела. Медведь будто прогуливался, и только недобрый и сосредоточенный зеленый блеск в глазах ненавязчиво намекал, что он здесь вовсе не для того, чтобы пройти мимо и обратиться обратно в лес.

– Не свернет, – вздохнул я. – Цельтесь по глазам – шкуру ему точно не прошибешь...

Рамиль с Соколом выстрелили одновременно. Сразу за ними гроыхнул «холланд» на сосне, а потом пальба послышалась со всех сторон. Медведя взяли на мушку все, кто уже видел над колями стены огромную горбатую спину и морду, покрытую наростами.

Я тоже не решил не отставать – и ударил. Во всю силу, с двух рук одновременно, обрушивая на немертвую тварь Факел и разжигая у нее под брюхом Жаровню. Алое пламя кромсало здоровенные лапы, отрезая целые куски плоти, но шкура сопротивлялась магии немногим хуже стали автоматов. Атака сверху вышла удачнее: раскаленная струя прошла чуть наискосок и впилась в спину где-то в области левой лопатки.

Факелом я мог пробить даже кресбулатовую броню, и подаренная аспектом тоже не устояла. Полыхающий клинок в два-три метра длиной вонзился в плоть целиком – прямо туда, где у зверя когда-то находилось сердце. Обычного медведь такой удар уложил бы на месте, но этот только припал на передние лапы, глухо заворчал и, почти не сбавив шага, снова устремился вперед.

Пули щелкали по наростам на морде, кромсали шерсть и отрывали ошметки плоти, однако такие мелочи гигант и вовсе не замечал. Кое-как с его шкурой справлялась только магия, и я методично всаживал заклинание за заклинанием, пытаюсь нащупать двигательный центр чудовища, которое в принципе уже не должно было двигаться... лет этак двести.

Бесполезно. Красная Плеть оставила на морде алый дымящийся след, Огненный Шар проделал в черепе дыру примерно в мой кулак, но медведь и не думал падать. От частотола его отделяли жалкие двадцать-тридцать шагов, и тварь явно намеревалась одолеть их раньше, чем сдохнуть.

– Проклятье... отходим! – Сокол забросил опустевший штуцер обратно за спину и спрыгнул с помоста. – Осторожнее, ваше сиятельство!

Я, как и положено князю, отступал последним, напоследок всадив в уродливую косматую морду пару заклинаний. Зловонное дыхание буквально сдуло меня назад, но, приземляясь, я уже держал в руках меч. Резерв понемногу заканчивался, однако на чары Разлучника маны еще хватало.

– Ваше сиятельство! – раздался голос за спиной. – Берегитесь!

Но я уже не слушал. Весь мир сейчас сжался до крохотного пятка, на котором остались только я, медведь и клинок. Меч чуть подрагивал в руке – сталь и кресбулат готовились закончить работу, с которой не справилась боевая магия.

Единственный уцелевший глаз чудовища полыхнул прямо над стеной, и гигантская туша навалилась на нее всем весом. Искалеченные магией лапы с когтями величиной с лезвие ножа

вцепились в колья, и заточенное дерево вонзилось в плоть. Помост, на котором стояли стрелки, разлетелся на части. Вколоченные в землю бревна гнулись, плевались щепками и трещали так, что я почти перестал слышать выстрелы.

Но каким-то чудом держались. То ли гигантское тело исчерпало отмеренный аспектом запас прочности, то ли я наконец сумел попасть Факелом в позвоночник – медведь остановился. И вместо того, чтобы снести стену, разметав бревна, как спички, беспомощно повис на кольях, опустил голову и только рычал. Я осторожно шагнул вперед, чтобы одним взмахом зачарованного клинка развалить ему череп надвое...

Но меня опередили.

Юркая фигурка в выцветшем камуфляже вынырнула откуда-то слева, едва не зацепив меня плечом. Паренек – тот самый, который травил байку у костра! – подскочил к медведю, не обращая внимания на сердитое ворчание, засунул ему в пасть двустволку чуть ли не по самый казенник – и нажал на спуск.

Не знаю, чем ловкач зарядил свой антиквариат – сработало оно немногим хуже моих заклинаний. Оба ствола громынули одновременно, и голова чудища подпрыгнула, заливая все вокруг густой темной жижей. Эхо от выстрела пробежало вдоль остатков частокола, затихая, и в его отзвуках утонул протяжный вздох. Медведь едва заметно шевельнулся, выпуская из носа темные пузыри – и издох.

На этот раз, кажется, окончательно.

– Матерь милосердная... – Боровик трясущимися руками убрал револьвер обратно в кобуру и стащил с головы шапку. – Неужто все?

Вольники и гридни понемногу стягивались к поверженному чудищу, на ходу поминая Пресветлых Сестер, Перуна, Велеса, Триглава и всех прочих покровителей. Кто-то щелкал скобой, по привычке загоняя в магазин штуцера патроны, кто-то возился с ружьями. Паренек осторожно вытягивал у медведя из пасти свою героическую двустволку, я шагнул вперед, чтобы ему помочь...

И едва успел отпрянуть, когда по свалывшейся шкуре пробежала дрожь. На мгновение показалось, что дважды мертвый медведь снова ожил, и кто-то даже лязгнул затвором, но никакого чуда не случилось.

Просто заработал аспект. Оставшаяся без косолапого хозяина магия вышла наружу и устремила к единственному, кто мог ее принять. Черные нити тянулись ко мне, и их было столько, что они сливались в один сплошной поток, похожий на щупальце кракена.

– Да твою ж... – выругался я, отступая на шаг.

Аспект оказался настолько мощным, что, похоже, обрел что-то вроде сознания. Еще немного, и мне пришлось бы просто-напросто удирать, но магия остановилась сама, будто натолкнувшись на невидимую стену. Потом ноздри наполнил запах паленой ткани, и в грудь будто ткнули чем-то острым.

Подарок диаконисы честно отработал свое, но в процессе разогрелся так, что прожег карман чуть ли не насквозь. И его силы, похоже, все-таки не хватило: несколько раз метнувшись из стороны в сторону, черное щупальце разделилось на полдюжины отростков поменьше и вновь устремились вперед.

Особо ни на что не надеясь, я зачерпнул из резерва остатки маны и выставил Огненный Щит. Совсем небольшой – от силы полметра в поперечнике.

Но и его хватило: алое пламя отсекло несколько выющихся бестелесных ленточек, а потом вдруг пробежало по воздуху к медвежьей морде, обращая в прах уцелевшие. Я даже не успел заметить, как они исчезли, и только вокруг пасти горели чуть дольше, с тихим треском выплевывая густой серый дым, который тут же уносило прочь ветром. Аспект вступил в битву с аспектом.

И Огонь победил Смерть.

– Вот оно как, – озадаченно проговорил Сокол, легонько ткнув медведя стволом штуцера. – Чудны, Матерь, дела твои...

Пожалуй, он единственный из всех вокруг сообразил, что на самом деле произошло, – и то только потому, что наверняка не раз наблюдал подобное, когда кто-то из офицеров гарнизона в Орешке добивал поверженную тварь с аспектом. А остальные гридни и вольники, видимо, решили, что еще живой... точнее, не совсем мертвый медведь попытался атаковать меня магией – и я упокоил его окончательно.

Ну и ладно. Меньше будет вопросов.

– Снимите отсюда... это. – Я брезгливо поморщился, указывая на повисшую на частоколе уродливую морду. – Тушу в лес – и сожгите.

Гридни козырнули и дружно помчались куда-то – видимо, за баграми, топорами и прочим инструментом. Боровик уже вовсю раздавал указания, а вольники все так же бестолково толпились вокруг поверженного чудища, разглядывая наросты на морде. Каждому из них не раз приходилось встречаться с тварями, наделенными силой аспекта, но такую древнюю и могучую они, пожалуй, видели впервые. Спорили вполголоса, тыкали пальцами и глазели с таким любопытством, что я несколько бы удивился, притащи кто-нибудь фотоаппарат.

И только паренек, всадивший в медвежью пасть то ли картечь, то ли пару пуль, решил не задерживаться. Подхватил свою двустволку, закинул на плечо, развернулся...

Но не тут то было.

– А ну погоди! – Я осторожно, но крепко схватил его за ворот куртки. – Давай-ка мы с тобой немного прогуляемся...

Глава 6

Первую сотню шагов мы прошли молча. Изувеченный медведем частокол давно остался позади и понемногу исчезал среди деревьев, а я все так же шагал, не сказав ни единого слова. Чтобы парень успел как следует промариноваться в едком соусе собственных надежд, сожалений и страхов – ну, или что он там сейчас испытывал?

Схватка с таежным чудищем закончилась, и я наконец мог вернуться к тому, что в некотором смысле было куда интереснее двухсотлетнего медведя-переростка. Байка, которую парень рассказывал, наверняка появилась не вчера и даже не год назад. Вольники однозначно передавали ее из уст в уста десятки раз, и с каждой итерацией история обрастала новыми подробностями – от вполне достоверных до откровенно фантастических... Вроде умения положить пулю в цель с пяти сотен шагов. И не из крупнокалиберного «холланда» с немецкой оптикой, а имея в руках доисторический мушкет, который даже охотники из мелких деревень уже давно отнесли в разряд антиквариата.

Плюс неуязвимость, репутация хозяина Тайги и наверняка еще какие-нибудь сверхчеловеческие способности. Выдумки, конечно же, и все же в байке про Черного Ефима вполне могло отыскаться и что-то полезное.

Как говорил один умный человек – в каждой сказке есть доля сказки, а все остальное – правда.

– Здорово ты медведя упокоил, – наконец, произнес я. – Сразу с двух стволов – и мозги наружу.

– Да это не я, ваше сиятельство. – Парень улыбнулся. Застенчиво и осторожно: видимо, ожидал совсем другого. – Он, считай, и так дохлый уже от вашей магии был. А я уже и подумал – дай-ка стрельну, чтобы ненароком чего не вышло.

– Ну... Скромность украшает мужчину. Но в меру, – усмехнулся я. – Как тебя звать-то, вояка грозный?

– Лешка. Алексей, то есть, – тут же поправился парень, добавив голосу какой-то совсем уж взрослой солидности. – А товарищи Гусем кличут.

– Прямо товарищи? – Я обернулся, выискивая глазами частокол. – Это что ж получается – ты уже всех тут знаешь? Давно на Пограничье приехал?

– Приехал... Я тут с самого рождения, ваше сиятельство. Раньше на хуторе за Ижорой с дядькой и теткой жил, а в позатом году в Орешек удрал. Решил в вольные искатели податься. – Парень... то есть Лешка, он же Гусь, чуть ускорил шаг, чтобы не отставать. – Опасное дело, но все лучше, чем до седой бороды коров пасти и в земле ковыряться.

– Это ж сколько тебе лет было – в позапрошлом? – удивился я. – И куда родители подевались?

– Тринадцать, ваше сиятельство. Мать давно померла, я ее и не помню толком. А отец мой три года назад из-за Нева не вернулся. – Гусь тоскливо вздохнул. – Забрала его Тайга.

– Тайга, говоришь?.. – Я без труда сопоставил нехитрые факты биографии. – Выходит, ты у нас потомственный искатель? С самого детства за реку ходишь?

– Ну, с самого не самого, а лет с восьми точно. И до этого отец, бывало, с собой в лагерь приводил. – В голосе Гуся прорезались горделивые нотки. – Которые летом по всему Пограничью стоят. И у Зубовых в вотчине побывал, и у Горчакова. И на государевых землях тоже, куда ж без этого. За реку меня тогда не брали, но у костра и мальчишке работа всегда найдется. Кашеварить, обувь почистить, ружье смазать – тоже копеечка. А бывает и гривенник дадут, если кому в Тайге повезет.

– И у нас в Отрадном тоже бывал?

– Нет, ваше сиятельство, – ответил Гусь. Смолк на несколько мгновений, опасливо покоился на меня, но потом все-таки продолжил: – Батюшка ваш покойный нашу братию никогда не жаловал. И Олег Михайлович тоже. Ну, мы и не лезли – зачем? Будто других вотчин на Пограничье нет. Тайга большая, ее на всех хватит... Мы с отцом по большей части из Гатчины ходили, в сторону Котлина озера. Там добыча не та, конечно, сто лет назад все вытащили, зато и зверья всякого поменьше. А за Невой – другое дело. Одна Матушка знает, чего там водится.

– А чего в Орешек подался? – на всякий случай уточнил я. – Если из Гатчины всю жизнь ходил? Места знаешь, людей тоже...

– Вот из-за людей и подался, ваше сиятельство. – Гусь поморщился и тряхнул головой, будто отгоняя что-то прилипчивое и неприятное. – Николай Платонович у себя-то за порядком следит, но в Тайге – другое дело. Каждый сам себе хозяин, а народ туда разный едет. Раньше еще ничего, только в последние годы совсем в лесу добра мало стало. Толковый народ разъехался, а остались такие, что не приведи Матерь. Не каторжанин, так пьяница. Сироту-то всякий обидит! – На лице Гуся на мгновение мелькнула злоба. – А на государевых землях порядку побольше. Особенно если в Глухой Конце не соваться.

– Не переживай, теперь и в Глухом Конце тишь да гладь, – улыбнулся я. – Мы тамошнему сброду показали, зачем в хлебе дырочки.

Перед глазами тут же встала приятная, хоть и наполовину забытая картина: горящая ветхая изба в Орешке и неуклюжие фигуры, бегущие от нее в разные стороны. Если память мне не изменила, тогда мы с Горчаковым даже никого не покалечили, но урок – уже третий по счету – вольники усвоили раз и навсегда. И с тех пор не лезли куда не следует, хоть деньги у его сиятельства Николая Платоновича наверняка не закончились.

– Так я помню, ваше сиятельство. – Гусь хищно и радостно оскалился во все зубы. – Вы с Ольгердом Святославовичем тогда знатного шуму навели. Я в тот день сразу и решил, что обязательно к вам в дружину пойду. А уж как узнал, что вы за рекой большую заимку строите, – так сразу и...

– погоди. – Я чуть сдвинул брови и погрозил пальцем. – Сразу нам не надо. Ты, Гусь, конечно, парень прыткий, но в дружину тебе еще рано. И я тебя сюда не за этим позвал.

– Да я понимаю, ваше сиятельство... Мне уже дедушка Боровик один раз леща дал – дескать, много лишнего болтаешь и нечего тут людей пугать. – Гусь втянул голову в плечи, вспоминая воспитательный процесс, но тут же снова вскинулся. – Ну так я ж разве врать буду?!

– А вот это мы сейчас и посмотрим, – усмехнулся я, опускаясь на поваленное дерево. – Так что давай, Гусь, присаживайся, располагайся поудобнее и рассказывай, что это за Черный Ефим и откуда он взялся.

– А вы будто не слышали, ваше сиятельство. На Пограничье эту байку каждый знает. Ну, из вольников – уж точно!

– Ну так я ж не вольник. – Я пожал плечами. – И живу тут, считай, с сентября месяца. А сказки мне слушать некогда.

– А это, ваше сиятельство, никакая и не сказка! – воскликнул Гусь. И тут же снова втянул голову в плечи, на всякий случай отступил на шаг и принялся пояснять: – Черный Ефим – это прозвище такое. Как его на самом деле звать – никто и не знает. Старик в Тайге уж лет двести живет, не меньше, а дружбу ни с кем не водит. Одни говорят, будто он императорского рода. Незаконный сын, которого государыня со света сжить пыталась. А еще я слышал, что он Горчаковым родственник. Полюбил княжну из Зубовых, а братья ее против были. Решили его подкараулить ночью, значит, набросились все вместе... – Гусь сделал паузу и зловещим шепотом закончил: – А силенок-то не и не хватило. Ефим один их всех поубивал. И потом от государева гнева в Тайгу убежал. Княжне сказали, что помер он там, за Невой, – только неправда это!

Чем-то эта история изрядно напоминала былину про князя Владимира, которую рассказывала бабушка. С той только разницей, что события здесь были заметно свежее, а действующие лица – со знакомыми фамилиями.

– Уж сколько лет с тех пор прошло – а до сих пор бродит за рекой Черный Ефим. Бороду до пояса отрастил, одежда вся в заплатках, а сколько сапог сносил – не счесть! – Гусь поне-многу увлекался и даже заговорил нараспев – талант рассказчика у парня явно присутство-вал. – Одним шагом версту покрывает, а двумя – сразу до Котлина озера дойдет.

– Двести лет, заплатки, борода до пояса. – Я с улыбкой покачал головой. – Я такого человека только одного знаю.

– Дедушку Молчана-то? Не-е-е-е, это не он, – отмахнулся Гусь. – Этот-то добрый, и не страшный совсем, хоть и тоже человек непростой. А Черный Ефим...

– Злой?

– Да не то чтобы злой. Он, ваше сиятельство... как бы это сказать... Справедливый. – Гусь прислонил двустолку к дереву, а сам опустился на корточки: видимо, стоять ему уже надоело. – И чужих не любит. И гридней, и государевых людей – тем более. Тронуть, может, и не тронет без надобности, но...

– А вольников? – поинтересовался я.

– Так он и сам вольный искатель. – Гусь развел руками. – Самый первый из всех, получа-ется. Лесных бродяг хозяин и покровитель. Это после него простые люди стали в Тайгу ходить, а не только князья с дружиной.

– Ну прямо божество какое-то. – Я в очередной раз вспомнил резные физиономии идолов на древнем капище. – Ты в него веришь?

– Я его видел, ваше сиятельство. – Гусь осторожно посмотрел на меня исподлобья. – Один раз всего, правда. Когда в августе в Тайге заплутал. За огнелисом пошел, от своих отбился, пока бродил – уже темнеть начало. А ночью за Невой такое на охоту выходит, что никакой штуцер не поможет... И холодно уже, а костер-то не разведешь – сразу заметят. – Гусь поежился. – Надо до утра сидеть, получается. Ну я и залез, значит, под дерево, где мох сухой. Веток еловых нарезал, чтобы совсем уж не замерзнуть. Ружье в руках. Не знаю, сколько так просидел – то ли час, то ли два... Потом слышу – будто идет кто-то. И тихо так, сучок под ногой не хрустнет – только елками шуршит еле-еле.

– Черный Ефим? – поморщился я.

– Он самый, – тихо отозвался Гусь. – В лесу темно, хоть глаз выколи – а он словно све-тится весь! Хорошо видно. Стоит среди деревьев. Высокий, повыше вас будет. В плаще с капю-шоном, лица не разглядеть – только бородину. Вот натурально по сюда! – Гусь вскочил на ноги и для пущей убедительности провел себе ребром ладони по поясу. – Поманил рукой, развер-нулся – и пошел прочь. Даже слова не сказал.

– А ты?

– А я за ним, ваше сиятельство. Подхватил ружье – и вперед. Замерз, ноги еле разгиба-ются... Все болит, зуб на зуб уже не попадает. – Гусь зажмурился и тряхнул головой, отгоняя воспоминания. – Но все равно иду. Чую, если отстану – точно пропаду. Не отпустит Тайга, не пожалеет...

– Догнал? Ему-то двести лет в обед, а ты молодой.

Вряд ли Гусь выдумывал, но пока в его истории не было ничего по-настоящему зани-мательного и таинственного. Помочь заблудившемуся в Тайге мальчишке мог любой – и для этого совершенно не обязательно быть легендарным Черным Ефимом, предтечей всех вольных бродяг.

А борода... Ну, у Горчакова тоже борода – и чего?

– Да его разве догонишь? Вроде и не быстро шагает, не торопится, а все впереди дер-жится, будто нарочно не подпускает... И дороги никакой не боится. У меня, бывает, сапог

чуть ли не целиком в трясину утопнет, а ему хоть бы что! По болоту идет, как посуху. Я уж не знаю, сколько я так за ним бродил. Уже глаза закрываются, рюкзак потерял, ружье плечо тянет, будто у нему гирию подвесили. – Гусь скособочился, изображая усталость. – А старик все идет и идет. И потом вдруг пропал. Я огляделся по сторонам – нет никого. Только впереди река и огоньки за ней.

– Орешек? – догадался я.

– Ага. Получается, он меня к самому городу вывел. Там до моста полкилометра всего оставалось.

– Так тебя любой вольник вывести мог, получается. – Я еще раз прокрутил в памяти коротенькую историю, но ничего, что подтверждало бы сверхчеловеческое могущество таинственного седобородого старца, в ней так и не нашел. – Пошли искать, наткнулись, позвали – а тебе в темноте и померещилось всякое...

– Не померещилось. – Гусь упрямо замотал головой. – Ну не может такого быть, ваше сиятельство! Я ж своими глазами видел, как Ефим по Тайге шел. Не спешит никуда, а шаг – как моих три. Ни вода в луже под ним не шелохнется, ни мох не проминается. Разве люди так умеют?

– А так?! – не выдержал я. И зажег на ладони крохотный шарик огня. – Так люди умеют?

– Ну так вы ж не простой человек, – едва слышно отозвался Гусь. – И Ефим, получается, тоже.

– Ага. Только меня пуля, к сожалению, берет. И сабля рубит... – проворчал я, погасив заклинание. – Ладно. Ты еще что-то про старика этого знаешь?

– То же, что и все, ваше сиятельство. – Гусь пожал плечами. – Говорят, встретить его – плохая примета. Сердитый Ефим, своенравный. Может и помочь, как мне тогда, а может и наоборот – совсем в Тайгу увести. А чтобы такого не вышло, есть одна хитрость: если далеко за реку идешь или, не дай Матерь, ночевать там приходится – обязательно найди пенек треснувший и туда подарок положи. Патрон, там, спичек коробок... Или сахара кусок – его старик особенно любит.

– Ну прямо дедушка Мороз, – усмехнулся я вполголоса.

– И даже в лагере на Пограничье, когда готовят, котел до дна скрести не принято, – продолжил Гусь. – Обязательно надо Ефиму оставить.

На этот раз я воздержался от комментариев – просто кивнул. История, без сомнения, вышла занимательная, но какая-то уж очень безлика. Самый обычный набор баек и суеверий, который непременно возникает в любой среде с устоявшимися традициями. Почти наверняка у Черного Ефима действительно был реально живший лет этак двести назад прообраз – а может, даже не один.

Однако охотился на меня не персонаж байки вольников, а вполне конкретные люди из плоти и крови. Один... одна из которых сейчас отдыхает в подземелье Гром-камня. А значит, и остальных тоже можно убить или изловить и посадить под замок.

– Понятно, – вздохнул я, поднимаясь. – Это все?

– Ну... есть еще один обычай, ваше сиятельство, – явно нехотя ответил Гусь. – Но совсем уж нехороший. Я бы такой, если честно, и проверять не стал бы. Уж больно дело поганое.

– Что за дело?

– Я как-то раз слышал, что Ефим честного бродягу может и от врага защитить. Если крепко попросишь. Для этого надо особую полянку найти и там подарок оставить. Только настоящий, щедрый – ружье, штуцер, патронов пачку... ну, или нож хороший хотя бы. Потом уйти и не оглядываться – иначе Ефим обидится, не поможет, – зачем-то уточнил Гусь. – А вместе с подарком бумажку положить с именем обидчика. И вот если все правильно сделаешь, врагу не жить. Недели не пройдет – заберет его Тайга.

– Вон оно как, – протянул я. – Занятно...

Эта часть рассказа, пожалуй, казалась наиболее невероятной и фантастической – однако при этом объясняла если не все, что творилось вокруг крепости Боровика последние пару недель, то многое. То ли байка все-таки была основана на реальных событиях, то ли кто-то очень хитрый решил выставить все таким образом, будто на меня и дружину действительно осерчал таинственный покровитель вольников и князь всея Тайги.

Заплатить за мою голову мог всего один человек... точнее – одно славное семейство. Так что куда больше меня интересовало, как Зубовы это провернули. И кто, черт возьми, шляется по ночам на том берегу Черной.

– Ладно. Хватит на сегодня баек. – Я поправил ножны за спиной и развернулся обратно в сторону частокола. – Пойдем.

– Куда, ваше сиятельство?

– Обратно. Полюбujemyся, что за чудище мы с тобой упокоили. Может, пойдем, откуда медведь этот взялся... А про Ефима чтобы я больше не слышал. – Я погрозил пальцем. – Нечего народ пугать почем зря. Ты меня понял?

– Понял, ваше сиятельство, – тоскливо отозвался Гусь. – Как тут не понять?..

Глава 7

Обратный путь занял куда меньше, чем наша небольшая прогулка. На этот раз я просто шел через лес, а не устраивал крохотное представление, дабы один чрезмерно болтливый и суеверный Гусь успел вдоволь напиться сомнением и опасениями. И уже через минуту или две среди деревьев показался сначала частокол, а потом и копошащиеся около него фигурки в камуфляже.

Снаружи разрушения, учиненные медведем, выглядели куда более масштабно: вся северная часть стены крепости покосилась, некоторые колья вывалились, и даже гигантская темная туша с роговыми наростами на спине пока еще никуда не делась. Но ее уже слегка оттащили в сторону. По-видимому, приспособив под это дело грузовик – мышечной силы даже двух дюжин человек на несколько тонн мертвого мяса явно было бы маловато.

Мотор надрывался, веревки натягивались, как струны, гридням и вольникам приходилось помогать машине вручную, но медведь понемногу отползал от частокола.

– Его бы на части порубить, ваше сиятельство, вполголоса предложил Гусь. – Тогда полегче будет. А потом сжечь, а то от такой туши зараза всякая точно полезет. Мух сейчас не осталось, холодно уже, но все равно... И вороны слетятся – неделю спать не дадут!

– Они уже. – Я указал взглядом наверх – туда, где над соснами уже кружили крупные черные птицы. – Ничего, справимся. Народу теперь хватает.

Кто-то уже вовсю воплощал задумку Гуся. Плечистая фигура Рамиля двумя руками орудовала выкованной мною секирой из кресбулата, отделяя от туши голову. Черная жижа летела во все стороны, и запах вокруг, похоже, стоял тот еще: один из вольников отошел на несколько шагов и принялся активно избавляться от обеда.

– Чего это он? Хороший же суп был, – обиженно поинтересовался Гусь. – Я старался, готовил...

– А ты сам подойди, – усмехнулся я. – Помоги товарищам.

Дышать этой дрянью я не пожелал бы даже врагу, но парень то ли услышал в моих словах вызов, то ли просто был не из брезгливых. Тут же кивнул и, закинув ружье за спину, бросился к медведю, схватил его за челюсть и принялся изо всех сил оттягивать голову, чтобы Рамилю было проще рубить.

Сработало: буквально через полминуты секира добралась до позвоночника, и уродливая зубастая морда повернулась в мою сторону.

– Смотрите, красота какая, ваше сиятельство! – крикнул Гусь, схватив некромедведя за уши. – В самый раз над камином повесить. Прикажете отвезти в усадьбу?

– С ума сошел? – Я поморщился и махнул рукой. – Сожгите. Или оттащите к реке поближе – там у Боровика скотина домашняя есть – такая все сожрет.

Живого... ну, то есть, немертвого медведя с аспектом Смерти Султан наверняка бы обползал стороной на километр, а вот уже упокоенного, да еще и нарезанного соответствующим образом, вполне мог и схарчить. Впрочем, я бы скорее сделал ставку на огонь. И собирався лично спалить огромную тварь дотла – как только она окажется хотя бы в паре десятков метров от частокола.

Но пока этого не случилось: очередная веревка лопнула, и грузовик снова стоял без дела, беспомощно тарахтя мотором. А гридням с вольниками оставалось только разглядывать поверженного врага.

Подойдя поближе, я увидел на спине медведя несколько отверстий. Свежих, глубоких, с обожженными краями – они явно появились, когда я в спешке обрушивал на огромную тварь Факел за Факелом, пытаюсь нащупать уязвимое место. Которого вполне могло и не быть – по формальным признакам некромедведь скончался лет этак двести назад, и его тело суще-

ствовало и передвигалось главным образом за счет аспекта. Конечно, оно все еще нуждалось в суставах, какой-никакой нервной системе и даже как-то переваривало пищу, но наверняка две трети прижизненных механизмов уже давно отказали, сменившись другими. Может, и не самыми эффективными, зато простыми и надежными, как лом.

И поэтому запас прочности у косолапого был примерно как у танка. Броня из наростов делала его почти неуязвимым для обычного оружия, а магию мертвая плоть просто глотала. Я потратил чуть ли не весь резерв, но сейчас понимал, что помогло мне скорее везение, чем сила или умение обращаться с родовым Даром.

Судьба свела нас с самым настоящим ветераном. Уже много лет некромедведь не встречал достойного соперника, однако его тело хранило отпечатки былых сражений. И чем дольше я смотрел на испещренную отметинами шкуру, тем больше она напоминала летопись.

Двести лет истории Тайги, написанные на одном чудище.

– Вот эти шрамы старые. – Боровик будто прочитал мои мысли. – Им лет двадцать, наверное, а то и все сто. Кто-то здоровый оставил. Не иначе свой брат медведь – больше в Тайге таких когтей ни у кого нету.

Белесые полосы – три длинных и одна чуть покороче – отпечатались на плече. Судя по расстоянию между ними, когда-то по шкуре здесь прошлась чужая лапа. Здоровенная – если медведь был и меньше этого, то совсем ненамного. Я мог только догадываться, каким образом встретились два титана такого размера – у каждого наверняка были свои охотничьи угодья. По паре-тройке десятков квадратных километров – вполне достаточно, чтобы никогда не пересекаться с себе подобными исполинами.

– А вот тут пуля попала, ваше сиятельство. – Боровик осторожно раздвинул пальцами свалившийся темный мех. – Тоже давно. Может, вообще еще на живом зарастало – кто ж его знает.

Отметина почти идеально круглой формы. Наверняка на огромном теле таких было несколько десятков, и немалая часть из них появилась еще до того, как таежный гигант скончался в первый раз. Дырки от пуль, следы оружия и когтей, проплешины, подпалины, палец на лапе, наполовину оторванный то ли чьими-то зубами, то ли стальной челюстью медвежьего капкана... Косолапый за свою жизнь повидал не меньше драк, чем Святогор.

Но часть ран казались совсем свежими – и, похоже, не все из них оставила моя магия или штуцера гридней и вольников. Некоторые подозрительно напоминали те, что выжгла на собрате медведя плазменная пушка Палецкрыла. Недавние попадания я вполне мог перепутать со следами Факела или Огненного шара, но три или четыре отверстия уже успели наполовину затянуться – регенерация в полумертвом теле все-таки работала, хоть и без спешки.

– Он и с автоматами повоевал. – Я указал рукой на зажившие порезы на бедре – слишком ровные для следа когтя. – Вот тут как будто Паук ножами своими прошелся.

– Повоевал... – задумчиво повторил Сокол. – Выходит, победил?

– Вот этого не знаю. – Я пожал плечами. – Но на своих ногах... на своих лапах ушел – а это вообще мало кому удастся.

– А тут еще есть, ваше сиятельство – поглядите! – Гусь опустился на корточки рядом с задней лапой чудища. – Никак, из арбалета попали.

Действительно, из бедра чуть выше сустава торчала какая-то ржавая железка. Не вполне понятного происхождения, но все же достаточно толстая и крепкая, чтобы полностью исключить версию, что она угодила туда случайно. Кто-то или что-то атаковало медведя с той стороны, куда мы в недавней схватке не смогли бы попасть даже при всем желании. Хотя бы потому, что внушительные и могучие тылы косолапого были обращены не к частоколу, а к лесу.

– Точно не наше. – Рамиль осторожно коснулся железки кончиками пальцев. – У нас два арбалета всего тут, и оба в землянке лежат. Да и стреляли давно – кровь засохла вся, не сочится даже.

– А вот тут еще. – Голова Боровика в шапке с одним ухом высунулась из-за медвежьей туши. – Как будто зубами дернули день или два назад. Только не медведь. И не волк – у них даже у здоровых пасть поменьше.

Следы укусов нашлись и с моей стороны. Не очень глубокие – челюсти врагов явно были маловаты, чтобы прогрызть шкуру исполина и добраться до плоти. Но неведомые твари старались изо всех сил: отпечатки острых зубов конической формы оказались даже на роговых наростах. И кое-где они соседствовали с подпалинами: здоровенный зад медведя будто жгли из огнемета. Всерьез навредить зверю такой величины пламя не смогло, но кое-где мех сгорел чуть ли не до самой кожи.

Здесь явно поработал аспект – хорошо мне знакомый.

И все это на задней половине тела: юркие противники набрасывались исподтишка, атаковали – и исчезали раньше, чем могучий, но неповоротливый великан успевал ответить. Один взмах его лапы гарантированно ломал хребет существу меньшего размера и силы, однако в скорости некромедведь проигрывал. Природная броня почти не пропускала урон, зато длиться такая охота могла чуть ли не часами.

Противники брали числом – будто осаждали ходячую крепость. Огонь, укусы не слишком больших, но острых зубов. И если прибавить к этому еще и арбалетный болт в медвежьей заднице...

– Его гнали сюда, – догадался я. – Специально выводили к частоколу – может, даже несколько дней.

– Кто? – Гусь оторвался от созерцания очередной отметины где-то в области хвоста и уставился на меня непонимающим взглядом.

– Да этот, Ефим твой. Черный. – Я поморщился и тряхнул головой. – И остальные... ефимята. Стрелки лесные, короче говоря.

– А ведь и правда! – Василий ткнул рукоятью секиры в здоровенную подпалину на боку. – Вот тут точно ящер огнем прошелся. А он юркий, такого попробуй поймай. Вот и гнали, как волки лося, – ну и выгнали прямо к нам.

– Выходит, совсем медведя замучили, – задумчиво отозвался Боровик, – раз он дороги уже совсем не разбирал. Я и думал – не просто так он к людям вышел... А оно вон как, оказывается.

– Хитрые, сучьи дети. – Сокол мрачно ухмыльнулся и покачал головой. – Раз даже такую скотину к делу приспособили. И как с ними воевать прикажете?

– Как надо – так и прикажу, – проворчал я. И уже в полный голос скомандовал: – Значит, так: медведя оттащить и сжечь. А потом садись на грузовик и дуй в Гром-камень. Чтобы через три часа все машины тут были.

– А зачем, ваше сиятельство?..

– Затем. Привезешь всех наших – кроме тех, что в карауле у моста и на дороге у Отрадного. Олега Михайловича тоже бери. И Жихаря с Иваном обязательно – они с рулем получше всех управляют. – Я взял Сокола под локоть и оттащил в сторону, так, чтобы остальные не слышали. – И из подвала медовухи бочку прихвати. И солений всяких... Побольше, чтобы на всех хватило стол накрыть.

– Вы чего это, ваше сиятельство? Никак, сабантуй устроить задумали? – Так не время же! – Сокол недоумевающе нахмурился. – Пока хмыри эти по лесу шастают... Сначала их ловить надо, а потом уже праздновать.

– Верно мыслишь, фельдфебель. Вот мы и будем ловить, – усмехнулся я. – На живца, так сказать.

* * *

Темнота. Везде – и сверху, и снизу, и по сторонам. Настолько густая и плотная, что даже силуэты деревьев на фоне затянутого тучами неба казались лишь еще одной ее разновидностью, а не отдельными фигурами. Густая черная патока разлилась повсюду, и если бы не мягкий мох, я бы подумал, что весь мир исчез и больше не существует ни Тайги, ни Невы, ни даже меня самого.

Но там, где оказалось бессильно зрение, другие органы чувств работали на полную катушку. Ветер доносил издалека крики, смех и протяжно-дребезжащий звук гитарных струн. Странные и непонятные звуки – их Тайга наверняка не слышала уже давно. Шум резал слух, раздражал, казался неуместным. Настолько, что еще немного, и я, пожалуй, не сумел бы сосредоточиться на том, что сейчас было куда важнее.

Незванные гости еще не выдали себя ни шелестом хвои, ни едва слышным треском веток под ногами. Они еще не скользили среди деревьев бестелесными угловатыми силуэтами, но и скрыть свое приближение все же не сумели. Можно научиться ступать бесшумно, можно подтянуть все ремешки, можно выбрать самую густую тень и почти перестать дышать – запах не скроешь.

Пот, порох, немного табака, оружейная смазка – то, что сопровождает в Тайге любого человека из плоти и крови. Но на этот раз к ним примешивался едва заметный аромат выделанной кожи и запах тварей, которые не должны были находиться рядом с людьми... но все же находились. От здоровенных ящериц пахло болотной сыростью и чем-то еще – то ли серой, то ли дымом. Их не так уж сложно почувствовать хоть за сотню шагов, хоть за две.

Особенно когда пользуешься не своим носом, а куда более совершенным инструментом.

Я открыл глаза и отпустил сознание Вулкана. Не полностью – просто слегка ослабил поводок, позволяя волку убраться подальше, чтобы ненароком не оказаться на пути у лесных стрелков и их чертовых ящериц. Их было не так уж и много, но все же вполне достаточно, чтобы случайно учуять затаившегося в темноте под поваленным деревом хищника.

Считать Вулкан умел так себе: после «один» и «пара» его разум выдал весьма обтекаемое «много». Обычно это означало что-то в районе полудюжины или десятка, но я мог только догадываться, кто из двуногих гостей несет с собой оружие, а кого Тайга наделила силой аспекта и полной зубов пастью.

Много – не так уж плохо... Куда лучше, чем *очень* много.

– Идут, ваше сиятельство? – вполголоса поинтересовался Жихарь.

– Уже близко, – кивнул я. – Машины готовы?

– Полчаса как завели. Хоть сейчас с места в карьер. И бензина по горловину... Скажете – помчим как ветер. – В голосе Жихаря послышалось слегка дрожащее предвкушение. Которое, впрочем, тут же сменилось сомнением. – Только их сразу брать надо, пока не очухались. А то разбегутся в разные стороны – и ищи ветра в поле. А среди деревьев ящера еще попробуй догони.

– Догоним, – усмехнулся я. – А нет – так пуля догонит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.